

Колетёр

9

СЕНТЯБРЬ

1961

Аетом
1961

Космос

9
СЕНТЯБРЬ
1961

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

„ВОЛШЕБНАЯ РУКАВИЦА“
Ю. Рытхеу, „ГДЕ НАША НЕ
ПРОПАДАЛА“ М. Дудина,
„ЯЩИК С МЫЛОМ“ А. Грина

*

СТИХИ

„СТИХИ О ШЕЛКЕ“ В. Торо-
пыгина, „ДЕВОЧКА, С КОТО-
РОЙ Я СИЖУ“ С. Погорелов-
ского, „ОСЕНЬ“ А. Крестинского
Стихи твоих ровесников

*

ОЧЕРКИ

„КЮФ ИДЕТ В НАСТУПЛЕ-
НИЕ“ А. Пурцеладзе, „ИДУ-
ЩИЕ ВПЕРЕДИ“ Н. Неуйми-
ной, „СПАСИБО, ЧАРЛИ
ЧАПЛИН“ Л. Мельниковой,
„СТЕПА ГОВОРИТ «НИ»“
Ф. Нафтутьева, „ГЕНЕРАЛ—
ПАЛАЧ“, „ЖЕМЧУЖИНА,
ПОДВЕШЕННАЯ К ИНДО-
СТАНУ“ Л. Бонифатьевой,
„СКВОЗЬ ПОЯС АСТЕРОИ-
ДОВ“, „ТАЙНА ЗЭТ“ Э. Нови-
кова

*

СПОРТ

*

МОРСКАЯ ИГРА

*

НЕСКУЧАЙНИК

*

25 часов в космосе
Больше 17 оборотов вокруг Земли

ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАН СТЕПАНОВИЧ ТИТОВ

На 1-й стр. обложки рисунок
А. Пахомова

На 2-й стр. обложки фото Б. Уткина:
«Строитель И. Г. Шаповалов»

Их было мало — тех, кого называли тогда твердыми ленинцами. И собрались они на съезд не в своей стране, а за сотни километров от нее — в далеком негостеприимном Брюсселе. Они собрались тайно, их преследовала полиция, вскоре им пришлось переехать в Лондон.

Стояли августовские дни 1903 года, самые обычные летние дни, и почти никто в мире не подозревал, что сейчас в Лондоне рождается первая программа русских коммунистов. Все, чего добивается партия, за что партия борется, отныне будет записано в Ленинской программе.

Социалистическая революция. Свержение буржуазии. Диктатура пролетариата.

Кто бы поверил тогда, что это сбудется?

Но прошло пятнадцать лет, только пятнадцать лет, и прогремели залпы „Авроры“, и Ленин произнес свои знаменитые слова:

— Социалистическая революция совершилась!

Теперь уже не в Брюсселе, не в Лондоне — в Москве собирались коммунисты на восьмой съезд, чтобы обсудить и принять новую программу партии. В Москве девятнадцатого года не хватало продуктов, кольцо интервентов сжалось вокруг юной республики, тревожные слухи ползли по городу...

А на серую бумагу газетных полос ложились слова программы.

Укрепление советского государства. Ликвидация частной собственности. Построение социализма.

Мечта? Фантастика?

Но прошли годы, и поднялись фабрики, и выросли электростанции, и двинулись тракторы по полям. На глазах у изумленного мира сбылась, стала жизнью Ленинская программа.

И уже не одинокая, как раньше, уже окруженная государствами-друзьями, государствами-товарищами, страна наша, страна социализма продолжала свой путь вперед. Отсюда, с нашей земли, ушел в небо первый спутник, отсюда, с нашей земли, отправились в космические рейсы коммунисты Юрий Гагарин и Герман Титов.

Это сегодня. А завтра?

О завтрашнем дне рассказывает новая программа партии. Мечта и точный расчет слились, сплелись в ней воедино.

Пройдет всего двадцать лет, и страной изобилия станет наша Родина. Страной самого короткого рабочего дня и самой высокой заработной платы. Страной самых образованных людей и самой могучей техники. Страной, где все во имя человека, все для человека.

ПАРТИЯ ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАШАЕТ: НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ!

Это справедливое общество смутно грезилось восставшим рабам Аристоника. О нем в одиночной камере страстно мечтал Кампанелла. Его уже ясно видели Маркс и Энгельс. Ради него жил и работал Ленин.

Это общество строим сегодня мы все — и те, кто работает на заводах, и те, кто еще только ходит в школу.

Так будем же достойны его!

ВОЛШЕБНАЯ РУКАВИЦА

Рытхеу

Гравюры А. Овсянникова

I

Анко смотрел вперед, но, кроме хвостов коренных собак, ничего не мог разглядеть. Тогда он привстал на нарте, опершись о широкие плечи Пэнкока, и в тот же миг вывалился в крутящуюся белесоватую мглу. Пока он выбирался из глубокого сугроба, нарта исчезла. Отворачиваясь от ветра и колющего летящего снега, Анко пытался увидеть что-нибудь впереди себя, но глаза залепляло снегом, а ветер, казалось, дул со всех сторон.

Испуг охватил Анко. А что если Пэнкок не заметил, что его племянник вывалился из нарты? Ведь сквозь толстый мех двух кухлянок не так легко почувствовать прикосновение.

Анко широко открыл рот, чтобы крикнуть. И чуть не задохнулся. Упругий ветер наполнил легкие, запер дыхание. Судорожно глотая лишний воздух, Анко едва отдышался. От напряжения на глазах выступили слезы. Отказавшись от попыток крикнуть, Анко решил идти вперед по нартовому следу, который едва виднелся на снегу и с каждой секундой заматался бешено крутящимся снегом.

Анко почти полз, чуть не касаясь носом еле видимого нартового следа. Рукавицы сначала намокли, а потом замерзли и превратились в твердые культипки. Они были мехом внутри, и только это спасало руки.

Нартовый след исчез. Вместе с ним исчезла надежда догнать Пэнкока. Мальчик остановился и попытался припомнить, откуда был ветер, когда он пошел по следу. Но порывы следовали один за другим, и каждый раз они меняли направление.

Анко в нерешительности остановился. Теперь он не знал, куда идти. Но мальчик не впал в отчаяние. У него еще было достаточно сил, и мысль работала отчетливо. Мальчик сел на снег и спрятал лицо в меховую опушку малахая. Надо принять какое-нибудь решение. Идти наугад в такую пургу — обречь себя на гибель. Легко можно выбиться из сил, упасть и замерзнуть. Кричать и звать на помощь тоже не имело смысла — в таком вое и свисте не слышно даже собственного голоса. Единственный выход — испытанный и наиболее верный — вырыть снежную пещеру поблизости от нартового следа и выждать. Когда Пэнкок обнаружит его исчезновение, то поедет по следу, который собаки найдут чутьем.

Анко выбрал большой сугроб и принялся руками разрывать снег. Замерзшие было рукавицы опять размокли. Пальцами левой руки Анко почувствовал снег — рукавица порвалась. Тогда мальчик стал ногами рыть слежавшийся и затвердевший снег. Но ямка сразу же заполнялась новым снегом, и вскоре Анко заметил, что на том месте, где он стоит, снегу даже стало больше — его тело служило преградой пурге.

Мальчик остановился передохнуть и в тот же миг был сбит с ног. «Должно быть, порывом ветра», — мелькнуло в голове, но в следующую минуту он почувствовал на своем лице горячий собачий язык — это вернулась упряжка! Анко увидел заиндеветую морду Четырехглазого — любимого пса, вожака упряжки, прозванного так за то, что у него над глазами было два светлых пятна, похожих на сдвинутые на лоб очки.

Держась рукой за потяг, приблизился Пэнкок. Вой ветра сводил на нет его громкий сердитый голос. Он схватил мальчика и потащил на нарту.

Упряжка развернулась и понеслась вперед. Изредка проезжали обнаженный ветром лед — это значило, что нарта все еще едет по заливу.

— Держись крепче за нарту! — кричал Пэнкок. — Не засыпай!

— А я и не спал! — крикнул Анко.

Но дядя не слышал.

Вдруг, точно кто-то невидимый схватился за полозья, и нарта пошла совсем тихо — ветер сдул с галечной гряды снег, и полозья едва шли по камням.

Пэнкок соскочил на землю и побежал рядом, держась за дугу. Вслед за ним спрыгнул Анко и, вплевшись в дугу, запрыгал по другую сторону нарты. Ноги то ступали по голой земле, то проваливались в глубокий снег. Упряжка выбралась на берег.

С каждым часом становилось труднее. Собаки едва тащили нарту, хотя ни Пэнкок, ни Анко не позволяли себе садиться.

У Анко вся спина была мокрая от пота, и шею щекотал мех откинутого капюшона кухлянки. Дядя Пэнкок тоже выбился из сил и едва волочил ноги — ведь ему приходилось помогать собакам на подъемах.

Выбрались на вершину холма, и оба — дядя и племянник — повалились на нарту, чтобы насладиться отдыхом в течение каких-нибудь двух-трех минут, пока нарта катится вниз. Когда спуск кончился, нарта остановилась в долине, по которой ветер мчался, как по тру-

бе. Собаки дальше не могли идти и в изнеможении ложились на снег.

— Будем устраиваться здесь! — крикнул Пэнкок, и слова, едва их только Анко услышал, ветром унесло в тундру.

Остолом, привязанным к дуге, Пэнкок закрепил нарту и ушел в пургу, к передовым собакам. Перебирая руками потяг, за ним двинулся Анко. Четырехглазый, увидев своего друга, радостно взвизгнул и бросился лизать его лицо.

Остальные собаки, не теряя времени, устраивались на отдых. Вырыв небольшую ямку, они сворачивались в ней калачиком и через несколько минут оказывались под теплой и надежной снежной защитой. Когда Анко возвращался обратно к нарте, он увидел только маленькие снежные холмики с черными пятнышками торчащих носов.

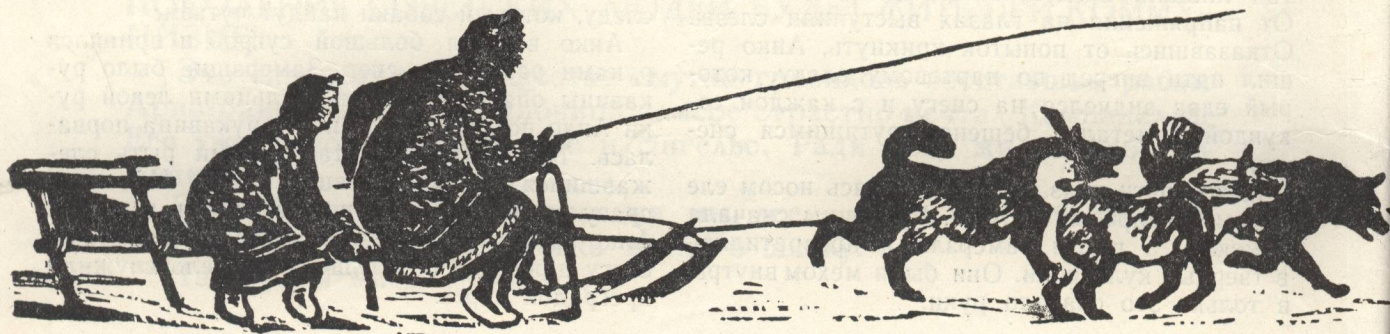
Тем временем Пэнкок отвязал от нарты две доски и одну из них подал Анко. Потоптавшись около нарты, дядя крикнул:

— Здесь будем рыть! — и вонзил в снег конец длинной доски.

Сквозь летящую пелену Анко едва различал высокую плотную фигуру дяди.

Работа подвигалась медленно. Прошло, наверное, больше часа, а снежная пещера была готова только наполовину. И все же, если присесть, она достаточно защищала от ветра. Пэнкок вытащил кiset и жестом подозвал Анко. Вдвоем они загородили от ветра спичку, и дяде удалось раскурить свою древнюю трубку с толстым чубуком. Анко знал, что внутри чубука лежат дубовые стружки на случай нехватки табака. Эта привычка осталась у Пэнкока еще с давних времен.

После перекура работа пошла веселее и через несколько часов, когда окончательно стемнело, Анко и Пэнкок уже приводили в порядок пещеру и втаскивали в нее собак. Укрывшиеся под толстым снегом псы не хотели покидать теплые ямки, упирались, рычали и даже пытались кусаться. Одних приходилось ласково уговаривать, а других про-

сто втаскивать силой. Единственная собака, с которой не пришлось возиться, был Четырехглазый.

Анко лежал между дядей и Четырехглазым. За толстыми снежными стенами почти не был слышен вой пурги, и племянник с дядей могли разговаривать не напрягая голоса.

— Надо было подождать вертолет или поехать на тракторе, — укорял Пэнкок мальчика. — И что тебе вздумалось обязательно на собаках? Затянется пурга на несколько дней, ты и опоздаешь на занятия.

— Послезавтра занятия начинаются, — сказал Анко.

— Вот видишь! А ты на собаках, будто отсталый человек, а не пионер! — ворчливо сказал дядя.

Анко обиделся и замолчал.

Он долго лежал с открытыми глазами, вспоминал интернат, центральную усадьбу колхоза, уютный передвижной домик оленеводческой бригады. Там сейчас тепло. На крыше ярко светят в тундру два мощных прожектора, стучит двигатель, а в комнатке говорит радиоприемник и жарко кипит чайник на железной печурке.

Анко жил в интернате и учился в четвертом классе. А родился он в тундре, в яранге. С тех пор, как пошел в школу, ему не часто приходилось бывать в родном стойбище. А когда в тундру пришли трактора и притащили передвижные домики, вся семья Анко переселилась в прибрежное село в новенький дом с кирпичной печью и большими светлыми окнами.

В эти зимние каникулы Анко упросил отца пустить его в гости к дяде Пэнкоку — лучшему пастуху колхоза. На большом вертолете, нагруженном продуктами, новыми кинофильмами и почтой, Анко за час долетел до стада и опустился рядом с трактором и домиком. Олени уже привыкли к вертолету и отбежали в сторону не столько от испуга, сколько для того, чтобы не мешать людям.

Девять дней промчались быстро. Анко ходил в стадо, на забойную площадку, пил теп-

лую оленью кровь и ел вкусный костный мозг. Когда пастухи были заняты, Анко возился с собаками, особенно с Четырехглазым, которого Анко знал еще маленьким щенком.

Собаки принадлежали дяде Пэнкоку. Пастухи уговаривали его отдать собак на центральную усадьбу, но дядя не соглашался. Упряжкой пользовались при поездках в соседние бригады, возили кустарник для растопки, лед с озера для чая.

Когда пришла пора ехать обратно, Анко попросил дядю свезти его на собаках. Сначала Пэнкок посмеялся, похлопал по плечу племянника и сказал:

— Что ты выдумал? Ведь завтра-послезавтра прилетит вертолет. Кто же выбирает худшее?

— Но я столько времени не ездил на собаках! — жалобно воскликнул Анко.

Пэнкоку самому хотелось съездить на центральную усадьбу, повидать жену, детей, поговорить со своими друзьями, решить некоторые дела в правлении колхоза.

Когда до начала занятий осталось два дня, по радио пришла новость, что вертолет прилетит как раз в тот день, когда Анко идти в школу. Правда, в этом ничего страшного не было. Анко занимался во вторую смену, а вертолет летал только в светлое время. А когда зимой в тундре бывает светло? Только от двенадцати до трех часов. Так что можно успеть. А если вертолет не прилетит? Погода испортится? Победенный этими доводами, Пэнкок посоветовался с бригадиром, и тот разрешил свезти мальчика в село. Собаки не меньше Анко радовались предстоящему путешествию и радостно повизгивали, когда их запрягали в нарту. Больше всех радовался Четырехглазый. Каждого, кто подходил к нему близко, он старался лизнуть в лицо большим красным теплым языком.

Выехали при ясной погоде. Виднелись дальние горы, подсвеченные невидимым, крадущимся за вершинами зимним солнцем. Собаки весело бежали по твердому снегу. Пэн-

кок поглядывал на ручные часы со светящимся циферблатом и говорил:

— Если так и дальше поедem, через десять часов будем в селе чай пить.

Но резко изменившаяся погода нарушила все сроки.

II

Анко проснулся первым. Он спросонком сначала не разобрал, где находится. Кругом слышался храп. И лишь когда рука мальчика дотронулась до мохнатой шерсти Четырехглазого, он вспомнил все.

Громче собак храпел Пэнкок. Анко прислушался. За снежными стенами была тишина.

— Дядя! Дядя! — растолкал Анко Пэнкока. — Пурга кончилась! Снаружи совсем тихо! Дядя заворочался и сел, упершись головой

в потолок снежной хижины. Об этом догадался Анко, почувствовав, как ему на лицо и за ворот посыпались снежинки.

— Думаешь, стих ветер? — спросил дядя.

— Конечно! Так тихо!

— А ну, помолчим... — Пэнкок вдохнул в себя воздух и замолчал. — Верно, ничего не слышать.

Взяв в руки доску от нарты, он принялся откапывать выход.

Разбуженные шумом собаки заворочались. С глухим стуком доска била по слежавшемуся снегу. Снежная пыль летела прямо на Анко, как он ни старался уклониться в сторону. Еще удар — доска до половины ушла наружу. Пэнкок расковырял дыру в снежной стене, и тотчас в пещеру ворвался вой ветра. Закрутилась снежная пыль.

Пэнкок высунулся и быстро нырнул обратно в пещеру.

— Еще сильнее стала пурга! Ничего не видеть. Даже собственного носа!

В дыру бил ветер. Пэнкок вырезал охотничьим ножом большой кусок снега из стены и замуровал дыру.

— Это будет наша дверь. Придется еще немного подождать.

— Долго? — спросил Анко.

— Несколько дней, — ответил дядя. — Тепло, снег мокрый, — такая пурга надолго.

Только теперь, когда кончился свежий воздух, принесенный ворвавшимся ветром, Анко почувствовал, как душно в пещере. Пахло собачьей шерстью.

— Воздух тяжелый, — заметил он вслух.

— Это легко исправить, — весело ответил дядя и проковырял ножом несколько дырочек в «двери», где снег был тоньше.

Стало легче дышать.

— Ну что, пионер, загрустил? — нарочито бодро обратился Пэнкок к племяннику. — Есть хочешь?

— Хочу, — нерешительно ответил Анко. Он видел, что дядя перед отъездом уложил мешок и что-то завернул в медвежью шкуру.

— Тогда пойдем откапывать нарту.

Одним ударом дядя вышиб «дверь». В пещеру снова ворвался ветер со снегом.

Анко полез вслед за дядей. Тугой ветер сразу же свалил мальчика с ног и потащил по снегу. Анко уцепился за небольшой заступ и пополз. Через несколько шагов ему удалось встать и, почти лежа на упругой ветровой подушке, двинуться на голос дяди.

Вчера, прежде чем влезть в пещеру, Пэнкок воткнул над нартой остол. Теперь от остола на снежной поверхности виднелась лишь веревочка и рукоятка.

Снег был рыхлый, и его легко было копать. Добрались до нарты, выволокли мешок с оленьими языками и мясо, обернутое в медвежью шкуру.

— Вот так, — сказал дядя, — теперь у нас и еда, и постель.

Пэнкок поглядел вверх. Анко невольно последовал за его взглядом и увидел над собой, через летящую пелену, безоблачное небо. Пурга дула над самой землей, а наверху была хорошая погода!

Пэнкок неодобрительно покачал головой и крикнул:

— Пошли в пещеру!

Собаки оживились. Медвежья шкура с завернутым в нее мясом притягивала их носы, как магнит.

Первым делом занялись расширением пещеры. Вынутый из стен снег сгребали в мешок и вытряхивали наружу. Вставили другую «дверь» из плотного, тонко соструганного снега — и в пещере стало намного светлее, — во всяком случае Анко теперь не тыкался куда попало.

Накормив собак, принялись за еду. Пэнкок резал языки на тонкие ломтики. Мерзлые, они показались Анко вкуснее вареных. В желудке сразу стало холодно, но Анко знал: пройдет минут десять, и ощущение холода сменится теплом во всем теле. После еды захотелось пить, но Пэнкок не разрешил есть снег. Он вытащил из-за пазухи большую алюминиевую флягу и подал Анко. Во фляге была настоящая вода! Чуть-чуть тепловатая, но

вкусная. Откуда она взялась? Ведь только вчера Анко своими глазами видел, как Пэнкок вылил на кусок медвежьей шкуры последние капли воды, войдая полозья.

— Откуда вода? — с недоумением спросил Анко.

— Из снега, — ответил Пэнкок. В его голове слышалась улыбка.

— Где же ты его растопил?

— Вот тут! — дядя похлопал себя по животу.

— А-а! — улыбнулся Анко. — На голом животе растаял!

Его даже передернуло: как должно быть холодно держать на животе набитую снегом алюминиевую флягу!

Сквозь тонкую дверь пробивался еле видимый голубой свет. Он становился все менее заметным — пещеру заносило снегом.

— Потянуло на сон — так хорошо и мягко было на медвежьей шкуре. Анко начал было устраиваться поудобнее, чтобы подремать, но его остановил дядя:

— Погоди, племянник, надо посушить одежду.

— Где же здесь в снегу сушить? — удивился Анко.

— А у нас печка есть, — ответил дядя.

— Где она?

— Та же печка, на которой я растаял снег. И даже две: твой и мой живот! Каково?

Надо прямо сказать, что Анко не был в восторге от этой новости. За пазухой у него еще ничего не было, а он уже чувствовал озноб, и по спине забегали мурашки.

Дядя заставил Анко снять рукавицы и хорошо очистить их от снега. Анко долго примерялся, как положить все это мокрое и холодное на живот. Наконец, решившись, он отогнул широкий ворот кухлянки, расстегнул рубашку и сунул рукавицы и чулки за пазуху. Анко едва сдержался, чтобы не вскрикнуть. Он крепко сжал челюсти и приготовился терпеть, что есть сил. Но не прошло и пяти минут, как ощущение озноба исчезло и за пазухой стало по-прежнему тепло. Анко повеселел.

— Оказывается, не так уж трудно сушить одежду без огня! — сказал он.

— А вот в сильный мороз еще легче, — сказал Пэнкок. — Ты видел, как сушат меховой лоскут для войдания полозьев? Так вот. Бросают в чистый и сухой снег лоскуток и топчут до тех пор, пока влага целиком не уйдет в снег. Так можно сушить и рукавицы, чижы и мокрую кухлянку.

Пэнкок раскурил трубку, и пещера наполнилась табачным дымом. Этот запах снова

напомнил Анко оставленный в тундре передвижной домик, село, и ему даже показалось, что он слышит тарыхтенье двигателя на колхозной электростанции.

Анко стало скучно. Хоть бы с собой была книжка! Но он тут же усмехнулся этой мысли: какое тут чтение, в темноте! Он тяжело вздохнул и услышал голос дяди:

— Ты чего вздыхаешь, как старик, вспоминая молодость?

— Скучно стало, дядя, — ответил Анко.

— Эх ты! — с укоризной сказал дядя. — Разве живому человеку может быть скучно? У тебя же есть разум! Если делать нечего, можно размышлять. Это такая радость — иметь возможность размышлять! Можно вспоминать что-нибудь интересное, думать о будущем... Мало ли о чем можно думать! Эх-эх! Не знал я, что ты такой... Можно быть ленивым телом, но быть ленивым разумом — это недостойно настоящего человека.

Анко покраснел. Хорошо, хоть дядя не видел в темноте его пылающего лица.

— Давай песни петь! — вдруг предложил дядя. — Вот есть такая русская песня, которую я недавно слышал по радио:

Ах ты, душенька, красна девица!

Мы пойдем с тобою, разгуляемся!

— Правда, хорошая песня? Русская, народная. Так сказал диктор.

— Я тоже ее слышал, — ответил Анко, — только слова не запомнил.

— И я не помню дальше слов, — сказал дядя. — Русские песни в отличие от наших очень многословны. Вот что, Анко, давай хоть эти слова переведем на чукотский язык, а?

— Давай! — заинтересовался Анко.

— «Ах ты» я и сам могу перевести, — сказал Пэнкок. — Это будет по-чукотски — «как-омэй». А «душенька» — это, наверное, что-нибудь ласковое. Да?

— Точно не знаю, как перевести, — задумчиво сказал Анко, — должно быть, от слова — дуть.

— Ага! — сказал дядя. — Дыхание! Подобная дыханию! Хорошо! Красная — это понятно, а девица — значит молодая женщина. Видишь, как ловко получилось?

Но тут Анко перевел обратно на русский язык песню и у него вышло так: Ах ты, подобная дыханию, красная молодая женщина!

— Дядя! По-русски наш перевод плохо получился!

— Как плохо? — удивился Пэнкок. — Мы же все правильно переводили! Ну, это ничего.

Он спел на чукотском языке начало песни, и ему очень понравилось. Анко тоже был до-

волен. Чукотские слова звучали в русской песне по-особенному, непривычно.

Долго распевали Анко и Пэнкок в темной снежной пещере. Собаки, потревоженные необычным занятием хозяев, сначала попробовали подвывать, но потом успокоились и лишь изредка повизгивали.

Не были забыты и свои чукотские песни, но скоро весь песенный запас и Пэнкока и Анко был исчерпан, и в пещере воцарилась тишина.

— Да, — задумчиво сказал Пэнкок, — неразумно мы поступили. Надо было оставить несколько песен в запасе. А то что же получилось? Мы все песни прикончили в один вечер и на другие дни ничего не оставили...

Пэнкок поглядел на светящийся циферблат часов и сказал:

— Давай поужинаем и ляжем спать. Во сне быстрее время проходит.

— А теперь который час? — спросил Анко.

— Восемь часов вечера, — ответил дядя, и Анко услышал звук заводимых часов.

Съели по полтора мерзлых языка и улеглись, плотно прижавшись друг к другу. Анко притянул к себе Четырехглазого и задремал.

III

Шумная возня в пещере разбудила Анко. Он открыл глаза, но ничего не увидел. Пэнкок ругался страшными словами и раздавал направо и налево удары. Собаки визжали, огрызались, со всех сторон слышалось громкое чавканье. Изредка Пэнкок зажигал спички, набрасывался на какую-нибудь собаку и вырывал у нее из глотки кусок мяса.

— Проклятые! Ненасытные! Нет у вас никакого стыда! Вы — самые худшие из всех существ! Хуже волков и росомах!

Анко никогда не видел дядю таким рассерженным.

— А ты чего разоспался! — накинулся он на племянника. — Проклятые сглодали все мясо! Пусть у них разорвутся животы! Как-омэй! Что я делаю! Ведь у меня последний коробок спичек! На, держи! — он сунул в руки Анко несколько кусков мяса.

Успокоившись, дядя ошупью смерил оставшиеся припасы и закопал их в снег под себя.

— Сам виноват... Сам виноват... — ворчал Пэнкок. — И как это я мог забыть, что рядом ночуют собаки? Поделом тебе, глупый. Распелся... «Ах ты, душенька!...» Вот теперь живи одним дыханием...

Анко молчал. Он не мешал сердиться дяде. Ему было только досадно и неловко, что Пэнкок ругает самого себя последними словами.

— Раз, два, три... пятнадцать... восемнадцать... девятнадцать, двадцать семь... — считал дядя.

По шороху Анко догадался, что Пэнкок пересчитывает оставшиеся спички.

Притихшие собаки шумно облизывались. Четырехглазого около Анко не было. Видать, и он принимал участие в разграблении запасов. И вдруг Анко стало так больно, как будто его предал лучший друг... Неужели и он?

Дядя закурил, и при мгновенном свете зажженной спички Анко увидел усталое и озбоченное лицо. И в этот момент он понял, до чего дядя взволнован. Рука, державшая труб-

кие слова надо сказать, чтобы развеять его плохие мысли? Ведь он взрослый человек... Анко хорошо знал своего дядю и догадывался, что он думает не о себе, а о нем, о своем племяннике. Что же сказать дяде, чтобы успокоить его?

— Недавно я читал книгу о Робинзоне Крузо, — робко заговорил Анко, надеясь заинтересовать дядю, который очень любил слушать содержание прочитанных книг, особенно если их рассказывал Анко.

— Шпион? — спросил Пэнкок. — Надоело мне про шпионов слушать. Неужели нет других дельных книг?

ку, дрожала, а по темной морщинистой шее текли струйки пота.

— Дядя, наверное, еще рано? — осмелился нарушить молчание Анко.

— Пять часов утра, — угрюмо ответил дядя.

Анко попытался пальцем проковырнуть дырку в «двери». Пэнкок заметил его напрасные усилия и отщепил ножом от доски длинную палку.

— Наверное, занесло снегом, — сказал он, подавая палку Анко.

Свежий воздух ворвался в душную пещеру вместе со снежной пылью. По-прежнему с ослабевающей силой бушевала пурга.

Анко уже не мог уснуть. Он лежал с открытыми глазами и прислушивался к тяжелому дыханию дяди. Чем он мог его утешить? Ка-

— Да нет, — поспешно сказал Анко, — он не был шпионом. Он был моряком, потерпевшим кораблекрушение.

— Что же, он сам написал о себе книгу?

— Нет, это сделал писатель по имени Дефо.

— Ну давай, расскажи, — уже добрее заговорил Пэнкок.

Анко принялся подробно излагать содержание книги, а Пэнкок внимательно слушал и лишь изредка прерывал Анко вопросами и своими замечаниями.

Когда Анко закончил пересказ, Пэнкок вдруг пренебрежительно сказал:

— Ну и везло же твоему Робинзону! И выбросило-то его с такими товарами, с какими и в тундре не пропадешь. И остров оказался в жаркой стране. Хотел бы я испытать такое кораблекрушение!

Анко приуныл и стал вспоминать другие прочитанные книги, которые бы могли заинтересовать требовательного дядю.

А тем временем Пэнкок продолжал критиковать книгу Дефо:

— Попал бы этот Робинзон в такое положение, как те четверо солдат... Как-то их зовут?.. Фамилии никак не запомнить... А?

— Федотов, Зиганшин, Крючковский, Поплавский, — одним духом выпалил Анко.

— Вот-вот! По сравнению с тем, что испытали эти солдаты, необитаемый остров Робинзона был настоящим курортом.

Анко хотел заступиться за Робинзона, но убедительных доводов он не нашел и ограничился утверждением, что «книга все же очень интересная».

Анко снова попытался уснуть, но сон не приходил. Мысли его были в школе. Сегодня там начнутся занятия, а его место на второй парте во втором ряду слева останется свободным. На переменах ребята будут вспоминать дни каникул, а после уроков гурьбой пойдут на ферму серебристо-черных лис, над которой школа шефствует.

Анко улыбнулся. Он вспомнил смешной случай, происшедший совсем недавно. На собрании председатель Николай Иванович Кэргау упрекнул колхозников-звероводов в том, что они недостаточно заботливо относятся к лисам. «Почти каждый из вас имеет собачью упряжку, — сказал он, — но посмотрите сами: вы отлично знаете каждого своего пса, надеваете его кличкой, а лисы у вас имеют только номера. Разве это порядок? Этим вы высказываете пренебрежение к животным, которые дают большой доход колхозу». Ребята, разумеется, не были на собрании и об этих словах председателя узнали от родителей.

С тех пор прошло несколько дней. Однажды к председателю прибежал заведующий фермой и волнуясь сообщил, что Янченко, Кувлюк и Эрмэн крепко заболели и не берут корм.

— Что ты мелешь? — спросил удивленный председатель. — Кувлюк и Эрмэн на охотничьем участке, а Янченко я только что видел на строительной площадке. Какого корма не берут? Что они — звери?

— Да, — подтвердил заведующий, — я горю о зверях.

— Ничего не понимаю! — развел руками председатель.

— Это лисы, которых зовут Янченко, Кувлюк и Эрмэн, заболели, — пояснил заведующий.

Уже по дороге на звероферму председатель, наконец, выяснил, почему так необычно

назвали зверей. После памятного собрания звероводы крепко задумались, какие имена дать лисам. Собачьими кличками их назвать было как-то непривычно — все же они не собаки, хотя и похожи. И тут на помощь пришел зверовод Каанто. Он как раз в это время раздавал корм и подошел к клетке, в которой находился очень капризный зверь. Прежде чем приняться за еду, этот лис долго обнюхивал корм, презрительно фыркая носом. «Что ты фыркаешь, как Янченко?» — проворчал Каанто. А Янченко — это колхозный плотник. Когда он приходил на склад получить оленье мясо, он переворачивал десятки туш, пока, наконец, не останавливал выбор на приглянувшейся.. Так и закрепили за этим лисом имя Янченко. И у других нашлись похожие по характеру двойники.

Но эти имена не долго продержались. Колхозники возмутились и потребовали отнять собственные имена у зверей. А Эрмэн даже пригрозил подать в суд «за оскорбление человеческого достоинства».

Но лисы не остались без кличек. На помощь пришли школьники, и на ферме зазвучали имена — Алмаз, Лайка, Спутник, Компот, Музыкант, Балалайка.

Каждый старался для своих подшефных зверей придумать какое-нибудь особенное имя, такую кличку, которая вызвала бы зависть и восхищение других. Вот почему на звероферме то и дело звучали необычные для этих мест слова — Компас, Мина и даже Мадагаскар.

Пэнкок тоже не спал. Он мысленно еще и еще раз подсчитывал оставшиеся запасы и прикидывал в уме, на сколько времени их может хватить. Если съедать по одному языку — их можно растянуть на два с половиной дня. Если же к языкам прибавить оставшееся мясо — еды хватит на три дня! И собак тоже надо кормить. Тогда с установлением погоды можно будет на них быстро добраться до поселка, а в самом худшем случае — это тоже еда... Вода тоже есть. Имеются и спички. Только табаку мало. Но если экономить, то и табаку пока хватит. Так что — жить еще можно! Главное, не давать унывать племяннику, поддерживать в нем добрый дух и хорошее настроение. Пожалуй, напрасно построил его с Робинзоном...

Пэнкок поднялся на локте и прислушался к дыханию племянника.

— Ты не спишь, Анко?

— Нет, дядя, я вспоминаю школу.

— Это хорошо, — сказал дядя, — хорошее воспоминание в нашем положении все равно, что глоток крепкого чаю. Придает бодрость.

Анко почувствовал прикосновение к своей руке чего-то теплого и шершавого. Это был Четырехглазый. Он нежно, едва прикасаясь, лизал руку мальчика. И хоть в пещере было темно, Анко знал, что пес имеет такой винюватый вид, что не простить его нельзя. Анко вытащил из-под головы вторую руку и погладил Четырехглазого по шерсти. Собака радостно взвизгнула и потянулась мордой к лицу мальчика.

После завтрака не без труда выбрались на волю и принялись раскапывать нарту. На этот раз и верхушки остола не было видно. На улице теперь стало не так тепло, как вчера; видно, кончилась оттепель. Снег сухой и колючий. Он летел сплошной стеной. Стоило дяде отойти на шаг, как Анко терял его из виду. Работа быстро утомила. Нельзя было дышать в полную силу. Стоило только пошире открыть рот, как упругий воздух врвался в легкие, раздувая их и задерживая дыхание.

Остаток дня посвятили расширению пещеры. Стенки снежной хижины от теплого дыхания покрылись корочкой льда. Пэнкок вырезал кусок такого снега, построгал его ножом и сбоку «двери» проделал отверстие. Теперь в пещере было окно. Оно пропускало света больше, чем дверь, и было установлено так, что его долго не заносило снегом.

Легли, как обычно, пораньше, чтобы время во сне прошло быстрее.

IV

— Дядя, когда же, наконец, кончится эта пурга? — с тоской спросил Анко Пэнкока.

Наступил уже четвертый день их сиденья в пещере, а пурга не унималась. Анко даже казалось, что она стала сильнее.

Пэнкок отвечал уклончиво. Его беспокоило, что стало морознее, а ветер не ослабевал. В таких случаях трудно сказать что-нибудь определенное.

— Во всем виноват один древний старик, — сказал однажды дядя. — Хочешь послушать сказку о том, как и откуда произошла такая беспорядочность в погоде?

— Я не маленький, чтобы слушать сказки, — сердито ответил Анко.

— Эх ты! Ведь сказка-то сказывается не только для маленьких, а и для тех, кто может извлекать из нее мудрость. Только надо в нее вникать... А ты не больно уж взрослый, чтобы отмахиваться от сказок, — сердито проговорил дядя. — Вот слушай:

— В одном небольшом северном стойбище, под высокими скалами на берегу моря проживал старик. Он не был богачом, не был

шаманом, но он имел одну вещь, за которую любой шаман согласился бы отдать все свои богатства. А вещь эта — волшебная рукавица. В этой рукавице находились все погоды, какие только могли быть на свете — и пурги, и морозы, и оттепели, быстрые ветры, тихие дуновения, дожди, снегопады. А всего больше у него было солнечных и ясных дней...

Анко думал, что дядя расскажет какую-нибудь известную сказку. Он рассеянно прислушивался, но потом заинтересовался. Эту сказку ему еще не доводилось слышать. Мальчик пристроился поудобнее на шкуре и весь обратился в слух.

А Пэнкок продолжал:

— Однажды задумали злые люди отнять у старика волшебную рукавицу и стали следить за ним. Подстерегли они его на охоте, напали и отобрали рукавицу, но впопыхах вместо волшебной — правой — схватили левую — простую. Бегут злодеи, торопятся, а старик им вслед тихонько посмеивается и вынимает из рукавицы самую сильную пургу, посылает вслед за злодеями. Закружил, засвистел ветер, поднял тучи снега, настиг злодеев и унес их в море, где была открытая вода и бушевали волны. Там они и погибли... Долго с тех пор никто не пытался похитить у старика волшебную рукавицу. Злых и завистливых людей на свете меньше, чем добрых.

Так и жил старик. Делал людям добро и очень редко вынимал плохую погоду — лишь тогда, когда нужно было отогнать лед от берега. А разве не радуется человек первому снегу? Даже самые ненужные на первый взгляд погоды оказывались полезными в жизни.

Почувствовал старик приближение смерти и думает: кому же передать свою волшебную рукавицу? Где найти человека, не подверженного минутному настроению, мудрого собственной мудростью и сильного собственной силой? Запряг старик собак и поехал по селам и стойбищам. Едет он год, едет другой. Каждое лето он останавливался в каком-нибудь стойбище и подолгу там жил. Старик торопился — вот почему в те годы зимы подряд были такими продолжительными: старик долго держал снеговую нартовую дорогу. На четвертый год он добрался до стойбища на берегу Ирвытгыра. Он уже был таким дряхлым, что не мог держать остола в руке. Остановился он в яранге шамана. Тот сразу же смекнул, в чем дело, и стал всячески обхаживать старика, надеясь после его смерти завладеть волшебной рукавицей. А старик был мудр собственной мудростью и разгадал замыслы шамана. Однажды ночью он запряг

своих собак и тайно выехал из стойбища в обратный путь. Жизнь едва теплилась в нем, и глаза закрывались сами. Отъехал он далеко, и между мысом Эныткыном и песчаной косой Тюпкюн у старика отлетело дыхание. Волшебная рукавица сползла с безжизненной руки и упала в снег. И тотчас все погоды, заключенные в волшебной рукавице, вырвались на свободу, закружились в радостной пляске и разлетелись по всей земле. С тех пор не стало порядка в погодах на свете. Ветры, пурги, морозы, оттепели разбрелись и носятся в беспорядке. И лишь на том месте, где старик умер и где лежит оброненная им рукавица — всегда тихо...

Пэнкок помолчал и серьезно сказал:

— Я там был несколько раз — это, действительно, тихое место. Кругом может бушевать пурга, а в этой долине тишина... Но только никому еще не посчастливилось найти волшебную рукавицу... Понял сказку, а?

— Понял, — ответил Анко. — Как не понять? Не маленький.

— Эх ты! — сказал Пэнкок. — Не понял, раз так самоуверенно отвечаешь. Скажи, есть научная мысль в этом рассказе?

— Ка-кая? — переспросил Анко.

— На-уч-ная.

— Не знаю... Не понимаю... — пробормотал сбитый с толку Анко.

— То-то, — сказал Пэнкок. — А я думаю, что есть. В одной беседе по радио я слышал, а потом это подтвердил метеоролог Костров. В старину на нашей земле была такая же жаркая погода, как в южных странах. Тут жили мамонты и другие звери-великаны. Потом, когда с погодой начались неполадки, они вымерзли... В сказке об этом прямо не говорится, но намек есть, на то она и сказка... Понятно?

Пэнкок, не дождавшись ответа, продолжал торжествующим тоном:

— Вторая научная мысль, — научный намек, что человек в силах управлять погодой. И кое-что в этом направлении в нашей стране делается. Об этом мне также Костров рассказывал. Поднимается в пасмурную погоду высоко в небо самолет и сбрасывает оттуда на тучи кусочки замороженного газа, вроде бы льдинки, и рассеиваются тучи и облака... Понятно?

Анко только оставалось удивляться осведомленности дяди. Ему доводилось немного слышать об уничтожении туч с самолета, но таких подробностей, что с самолета сбрасывают льдинки, — он не знал. Вряд ли это могли знать и его сверстники, разве только ученики старших классов.

Пэнкок поднялся со своего места и потыкал палкой «дверь», впуская в пещеру свежий воздух.

— А главную мысль этой сказки ты уловил? — спросил дядя, вернувшись на свое место.

— Уловил, конечно, — самоуверенно ответил Анко.

— А ну, скажи, какая эта — главная мысль?

— Рукавица была нужная, и напрасно старик не отдал ее кому-нибудь, — ответил Анко.

Дядя засмеялся тихим смешком.

— Не-ет, не то... Послушай. Каждый человек все равно что волшебная рукавица. В нем все есть — то есть все он может, если только захочет... Но человек еще имеет разум, который и распоряжается волшебной рукавицей. Захочет человек — он будет вынимать оттуда добрые дела, полезные людям, а если разум у него слаб, то его могут одолеть плохие погоды. Вот почему старик искал человека мудрого собственной мудростью и сильного собственной силой. В те времена такого человека было трудно найти. Много зависел человек от природы, считал себя слабым перед ней...

— Дядя, а откуда ты все это знаешь? — удивленно спросил Анко, — ты ведь в школе мало учился.

— Как это мало учился? — обиженно ответил Пэнкок. — В ликбезе на первой парте два года сидел. А как появились передвижные домики с радиоприемниками, почти целый день слушаю радио. Книги читаю или заставляю читать других. Теперь много журналов в наше стойбище приходит. Так что учиться можно всю жизнь, вот так. К тому же не забывай — я коммунист.

Каждый следующий день казался Анко длиннее предыдущего. Он вспомнил все, что прочитал. Прорекламиривал вслух все выученные наизусть стихотворения, а пурга все продолжалось. Только дядя с каждым днем становился все разговорчивее, рассказывал сказки, разные случаи из прошлой жизни, вел долгие нравоучительные беседы.

Кончились языки. И однажды вечером, когда Пэнкок протянул племяннику кусок мерзлого мяса, тошнота подступила к горлу мальчика. Он вспомнил, как грызли это мясо со-

баки, а дядя вырывал у них из пасти куски.

— Я не хочу есть, — объявил он дяде.

— Брезгуешь? — спросил Пэнкок и сказал: — Ладно. Подожди, проголодаешься, сам попросишь... Подумаешь — собаки немного погрызли мясо! Не отравили же они его. Или ты так привык к интернатским кашам и супам, что простое мясо для тебя уже не еда?

— Я просто сыт, — сказал Анко и тут же добавил: — Правда, правда! Мы ведь почти не двигаемся, все время лежим, не устаем.

— Верно! — поддакнул Пэнкок и нарочито громко зачавкал, со вкусом облизываясь.

— Привыкли мы к разнообразию пищи, — заговорил Пэнкок насытившись. — А ведь было время, чукчи хлеба вообще не знали. Вот что случилось с моим дедом. Однажды шел он по берегу моря после сильного шторма. Видит: лежит на берегу выброшенная волнами китобойная шхуна. Подходит — никого. Куда подевались люди? А шхуна-то иностранная. В те годы по нашим морям столько китобойных шхун плавало — не счесть. Норвежские, американские и даже японские. Подал голос дед, позвал — никто не отзывается. Поднялся он на корабль и нашел мешки, полные белой пыли. Попробовал он эту белую пыль на язык, и показалась она ему очень невкусной. Зато мешковина была хорошая, крепкая. Выволок дед мешки на берег и стал белую пыль вытряхивать. Насыпал целый сугроб, а мешки принес домой. А ведь в мешках-то мука была, что в сто раз самих мешков дороже. Кто-то в стойбище догадался об этом и побежали люди собирать муку, — а ее уже и нет: ветер развеял, волны слизали в море.

— Съесть бы сейчас кусочек хлеба! — невольно вырвалось у Анко.

— Так ты же сыт! — сказал Пэнкок и рассмеялся.

Сколько же у дяди силы и молодого задора, если он может еще смеяться в таком положении? Наверное, богата хорошим настроением его волшебная рукавица!

Анко про себя считал, что их положение достаточно бедственное. Если они отсюда выберутся целыми и невредимыми, товарищи крепко будут ему завидовать. А девочки будут смотреть на него, как на героя. Ведь он уже начал голодать! Это не шутка! Только вот дядя ведет себя так, как будто ничего особенного не случилось.

— Напрасно ты отказываешься от мяса, — продолжал уговаривать дядя племянника, — ведь лижет тебя Четырехглазый, тебе — ничего. Не умираешь и, вроде, болеть на ближайшее пятилетие не собираешься. Правда, Анко?

Когда Анко проснулся, он тут же почувствовал, что виновником его раннего пробуждения был голод. Должно быть, еще очень рано, потому что Пэнкок храпит в полную силу. Значит, пройдет не один час, прежде чем дядя проснется и станет уговаривать Анко поесть.

Анко приуныл и попытался снова уснуть. Он крепко жмурил веки, считал до ста, ворочался. Но сон упрямо не приходил. В мыслях была одна еда. Перед закрытыми глазами проходили сцены обедов в интернатской столовой. Казалось, и сейчас он отлично помнит вкус гречневой каши с молоком. А вареное оленье мясо? Что может быть вкуснее и сытнее его. А разве плох свежий, розовый костный мозг и мерзлые олени языки? Но теперь Анко согласился бы съесть и кусок того мерзлого мяса, что лежал в снегу под Пэнкоком.

Анко повернулся к дяде и ощупью стал искать его руку, чтобы посмотреть на часы. Он осторожно водил ладонью в темноте и вдруг зацепил за что-то мизинцем. Он резко рванул к себе руку и услышал испуганный вопль Пэнкока:

— А! Что такое! Где ты, Анко?

— Я здесь, дядя,— еле слышным голосом ответил мальчик — я... я просто хотел посмотреть на часы...

— Кто же лезет в ноздри узнавать время? — проворчал Пэнкок и поднес к лицу часы.

— Двадцать минут восьмого, — сказал он и сел. — Рановато еще, но надо посмотреть погоду... А ну, послушаем.

Дядя и племянник затаили дыхание. Собачий храп заполнял снежную пещеру. С улицы не доносилось ни звука.

Пэнкок уперся головой в снежную «дверь» и вышиб ее. Он выбрался наружу и, когда его фигура исчезла в темноте, Анко увидел в отверстие звезды... Он сначала не поверил своим глазам, протер их рукавом. Звезды оставались на месте.

— Ур-ра! — закричал он в восторге и одним прыжком выскочил наружу.

Ничто не напоминало о страшной пурге. Яркие звезды сияли на небе, полыхало полярное сияние. Кругом была такая тишина, что хотелось кричать.

— Дя-дя! — воскликнул Анко. — Хорошая погода!

— Вижу, вижу, — спокойно ответил Пэнкок, появляясь из-за сугроба, — давай отка-
мывать нарту.

Снег был утрамбован ветром, но радость от хорошей погоды прибавила силы и Пэнкоку и Анко. Они быстро откопали нарты, приладили обратно две доски, очистили от снега и размяли алыки. Анко удивляло, что собаки никакого восторга по поводу хорошей погоды не выражали. Они продолжали спать в снежной пещере, и когда их пришлось вытаскивать оттуда, некоторые даже ворчали, огрызались. Но, очутившись в алыках, они радостно завизжали.

— Закусим перед дорогой, — предложил Пэнкок, когда все собаки были запряжены.

Он разложил на нарте куски мяса и ножом отрезал несколько тонких ломтиков. Собаки, не моргая, следили за действиями Пэнкока.

— Нет уж, вам придется потерпеть до села, — смеясь сказал Пэнкок, и, насадив мясо на кончик ножа, протянул ломтик Анко.

Мальчик взял мясо и положил в рот. В эту минуту Анко больше всего боялся, что Пэнкок припомнит ему, как он отказывался от еды. Но дядя вел себя так, будто ничего не случилось. Анко в душе поблагодарил его и с жадностью стал уничтожать мерзлое мясо. Не дожидаясь, пока дядя отрежет ломтик, мальчик бил по окаменевшему мясу маленьким топориком. Крошки скормили Четырехглазому и уселись на нарту.

Снег был плотный, покрытый сверху ледяной коркой. Нарта легко катилась и на спусках наезжала на коренных собак. Пэнкок вдруг остановил упряжку и стал остолом копать снег.

— Что ты нашел, дядя?! — спросил, заинтересовавшись, Анко.

— Плохо, — ответил Пэнкок и уселся обратно на нарту.

— Что, опять пурга будет? — с замиранием сердца спросил Анко.

— Хуже.

Анко совсем забеспокоился. Он внимательно оглядел небо и нигде не обнаружил даже малейшего облачка.

— Гололед, — сказал дядя, — лед на снегу. Оленям будет трудно доставать корм из-под снега... В нашем колхозе это не страшно. Трактором можно легко разбить ледяную корку, взрыхлить снег.

— А разве в других колхозах нет тракторов? — спросил Анко.

— Трактора есть, но они на берегу. Если их быстро перегонять в тундру — это будет хорошо. Большая беда, когда снег в тундре покрывается коркой льда. В старое время — это было настоящим бедствием. Даже самый богатый оленевод в несколько дней мог лишиться всех своих оленей, а о бедняках и го-

ворить нечего. Вот тогда начинались великие голодовки. Люди мерли целыми селениями и стойбищами. В опустевших ярангах поселились вороны. Вот так было, племянник...

На востоке все ярче разгоралась красная заря.

Собаки почти не напрягали усилий — так хорошо катилась нарта. Часа через два остановились повойдать полозья. Пэнкок воткнул остол между копыльями нарты и затормозил:

— Гэ-э-э! — крикнул он, и собаки остановились.

Нарту перевернули полозьями вверх. Пэнкок достал лоскут медвежьей шкуры, а из-за пазухи извлек флягу. Он водил смоченной шкурой до тех пор, пока на полозьях не заблестела тонкая ледяная корка.

Теперь Анко уже узнавал знакомые сопки. Вот сюда они ходили летом в пионерский поход. А за той сопкой, похожей на волчью голову, бьют из-под земли горячие ключи. С вершины можно увидеть пар, поднимающийся над теплой водой даже в самые лютые морозы.

— Скоро будем дома! — крикнул Пэнкок собакам. — Ра-ра-рай!

Услышав его голос, Четырехглазый на секунду оглянулся и рванул нарту. Упряжка понеслась стрелой. Полозья едва касались нарта. Вдруг из ярко-красной полосы на краю неба ударил алый луч, заставший Анко зажмурить глаза.

— Солнце! — крикнул Пэнкок. — Солнце проснулось!

Вонзив железный наконечник остола в снег, он остановил нарту.

За первым лучом появился край большого красного солнечного шара. Все вокруг окрасилось в алый свет, как улица села в день Первого Мая. Сияли вершины дальних гор. Горел снег. Как большие зеркала, блестели льдины на море.

Радостное, праздничное чувство охватило Анко. Ему хотелось петь, прыгать, кричать во все горло. Он быстро соскочил с нарты, но не успел сделать и шага в сторону, как сильная рука дяди схватила его за ворот и швырнула на нарту. Анко больно ударился плечом.

— Держись крепче! — крикнул Пэнкок.

Нарта рванулась и понеслась.

Анко ничего не понимал. Пэнкок дрожащими пальцами выламывал круглую палку, идущую вдоль нарты.

— Не вывались, — шептал он племяннику, — когда скажу «прыгай с нарты», прыгай на снег.

Собаки неслись как на крыльях. Нарту швыряло из стороны в сторону, било о кочки.

— Прыгай! — крикнул Пэнкок и выпихнул Анко на снег.

Мальчик от неожиданности зажмурился и, когда открыл глаза, увидел поднимающегося Пэнкока.

Далеко впереди мчалась упряжка, а еще дальше, на холме, окрашенный красным светом восходящего солнца, стоял большой белый медведь-умка и с любопытством смотрел на приближающихся собак.

Анко перевел взгляд на Пэнкока. Дядя прилаживал нож к палке.

— Сиди здесь и никуда не уходи! — крикнул он племяннику. — Видишь его? Проклятый! Собак покалечит, да еще за него отвечаю.

Анко кивнул головой и остался на месте... Но едва дядя двинулся к медведю, Анко зашагал за ним, держась на почтительном расстоянии. Собаки уже настигли медведя и кинулись на него с громким лаем... Но, связанные алыками в общей упряжке, они ничего не могли поделывать, и вскоре Анко услышал собачий визг. Умка стоял и неторопливо отмахивался лапами от наседавших собак. Все ближе и ближе подходил к нему дядя Пэнкок. Он шел с самодельным копьём наперевес, слегка пригнувшись.

Анко остановился. Как ему ни хотелось подойти ближе, — но как послушаться дяди?

Пэнкок приблизился вплотную к медведю и несколько раз несильно ткнул его в морду копьём. Медведь взревел и отскочил в сторону. Воспользовавшись моментом, дядя схватил потяг и оттащил упряжку в сторону. Несколько покалеченных собак волочились по снегу, оставляя за собой кровавый след. Тем временем умка пришел в себя и двинулся на Пэнкока.

— Берегись! — крикнул Анко.

Дядя успел подставить копьё. Медведь отпрыгнул.

— Подойди осторожно сюда! — крикнул племяннику Пэнкок. — Не бойся. Оттащи подальше упряжку...

Не спуская глаз с умки, наседавшего на дядю, Анко добрался до упряжки и потянул ее к себе. Четырехглазый был цел и невредим. Он понял, чего хочет мальчик, и развернул всю упряжку.

Анко сел на нарту и отъехал в сторону, таща в потяге раненых собак. Некоторые из псов еще рвались к медведю, но Четырехглазый, напрягшись, оттаскивал их от опасного места.

Анко обернулся. Пэнкок продолжал поединок с медведем, который рвался к упряжке. Должно быть, собаки все же покусали его, и

он хотел с ними рассчитаться. У Анко похолодело в груди, когда он подумал, что будет, если умка свалит дядю и бросится к нарте.

Анко смотрел на отбивающегося самодельным копьем дядю и недоумевал, почему Пэнкок не решается нанести медведю смертельный удар. Похоже, что Пэнкок играл с умкой. Острие ножа лишь слегка прикасалось к телу медведя, кровь виднелась только на морде.

Солнечный шар уже наполовину высунулся из-за сопки, потушив звезды и полярное сияние.

Не выдержав, Анко крикнул:

— Дядя, убей его! Что ты с ним возишься!

Вдруг Четырехглазый приподнял уши. Анко тоже услышал знакомое тарахтенье. Он задрал голову и стал всматриваться в небо. Вертолет летел со стороны солнца, и Анко заметил его, когда он подлетел совсем близко. Умка в недоумении несколько раз оглянулся. Вертолет шел прямо на него. Умка кинулся наутек.

Вытирая с лица обильно выступивший пот, Пэнкок присел на нарту.

— Упрямый умка, — проворчал он, — ничего не понимает.

— Почему ты его не заколол? — спросил Анко.

Дядя не успел ответить. Из вертолета к ним спешили председатель Николай Кэргау и летчик Пенкин. За ними в белом халате, накинутом поверх шубы, шла доктор Наташа. В руках она несла сумку, украшенную большим красным крестом.

Пэнкок степенно встал и крепко пожал руки председателю и летчику, будто они встретились на улице колхозного села. Анко тоже поздоровался с ними.

— Отогнал? — спросил Кэргау, кивнув в ту сторону, куда удрал медведь.

— Отогнал, — со вздохом ответил Пэнкок. — Дурак он. Так и лезет на копые. Если бы не вы, пришлось бы с ним повозиться, а может, даже заколоть.

— Лучше бы заколоть! — воскликнул Анко.

— Заколешь, а потом отвечай за него. Ведь его, хулигана, закон охраняет... — сказал Пэнкок.

— В этом законе есть оговорка, — пояснил Кэргау, — если медведь напал на тебя, ты можешь его в порядке самозащиты убить.

— Э! — махнул рукой Пэнкок, — помнишь, сколько промучил охотоинспектор охотника Рыпэля. И царапина на его лбу была, а инспектор все свое твердил: свидетелей нет, что он на тебя напал. Может, ты сам первый начал? Едва отвертелся. А то не миновать ему штрафа! Нет, лучше с умкой по-хорошему договориться, чем попасть в лапы охотоинспектору.

— Разрешите, товарищи, — доктор Наташа протиснулась между Пенкиным и Кэргау.

Она тщательно осмотрела Пэнкока и Анко. Даже заглянула в горло.

— Мы-то целы и невредимы, — засмеялся Пэнкок, — ты лучше погляди собак. Умка их немного помял.

...Вдали показались ровные ряды домиков, Анко уже мог различить среди них школу, правление, магазин и мачты радиостанции.

Взрослые разговаривали о чем-то серьезном.

Анко было немного обидно. Еще бы! Теперь дяде Пэнкоку не до него. Даже посадили Анко далеко от него, рядом с доктором Наташей, которая не умолкая расспрашивала Анко о пребывании в снежной пещере и падении медведя. Анко, как и полагается настоящему пастуху, привычному ко всяким приключениям, отвечал немногословно и с достоинством.

Собаки и нарта лежали тут же в вертолете. Четырехглазый, опершись передними лапами о сидение, стоял возле окошка и сосредоточенно посматривал на землю. Всю жизнь на нем ездили, а теперь он даже не ехал — а летел сам! Раненые собаки с забинтованными лапами лежали и подремывали.

Анко посмотрел на Пэнкока. Дядя поймал его взгляд и улыбнулся. Он поднял свою большую рукавицу, отороченную росомашьим мехом и показал Анко. Мальчик сначала не догадался, в чем дело, а затем вспомнил — волшебная рукавица!

Вертолет шел на снижение.

Ученикам 27-ой школы Калининского района,
Ташкентской области, Узбекской ССР

СТИХИ О ШЁЛКЕ

Владимир Торопыгин
Рисунки Д. Боровского

В ТАШКЕНТСКОМ ОАЗИСЕ

Уже в апреле
в Азии —
пора большой весны,
и все ее оазисы
цветением полны.

Седые,
как предания,
загородив поля,
стоят пирамидальные
гиганты-тополя.

За ними —
хлопок в линиях,
а рядом,
вдоль шоссе,
горбы заборов глиняных —
в цветущих маках все!

И в ярком том цветении
сверкают по весне
колхозное селение
и школа в стороне...

Вода играет бликами
на стенах, что белы,
и прямо над арыками
тутовника стволы.

Но только те тутовники
не спрячут от жары:
все листья с веток тоненьких
в корзинах детвора.

Листою и минутами
ребята дорожат:
колхозом
 школе
 тутовый
доверен
 шелкопряд!

ОДНАЖДЫ УТРОМ

Что б ни случилось
в восемь утра —
у репродукторов
детвора!
Слушают дома
и в поле все вместе
радиовыпуски
школьных известий.
Слушают — нравится,
слушают — рады:
движется дело,
растут шелкопряды!..

Только вот нынче
диктор взволнован,
ловят ребята
каждое слово:

— Слушайте!
Слушайте!
Пятый отряд!
Болен дежурный —
Махсудов Мурад...

С ночи
не кормлен у вас
шелкопряд,
пятый отряд!
Пятый отряд!..

Миг —
и у школы
двадцать ребят —
в полном составе
пятый отряд!

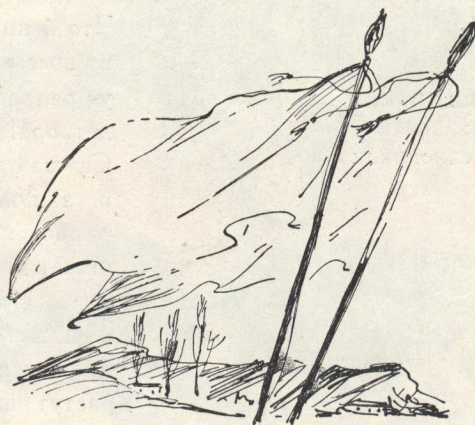
Заполнен уже
Саламат и Мастурой
листок
«Наблюденье за
температурой».

Звено
заболевшего утром Мурада
проверило
вес и длину шелкопряда.
С тутовника срезана
нужная норма
весенних побегов —
зелёного корма!
Всё будет по графику
(или до срока!):
сверкнёт в этой зелени
шёлковый кокон,
такой серебристый,
как в утренней рани
под снежными шапками
горы Тянь-Шаня!..

О ШЕЛКЕ

Словно цветы
расцвели на поляне —
так многоцветны
узбекские ткани...
В каждом рулоне,
лежащем на полках, —
пёстрые нити
ребячьего шёлка!
Медленно-медленно
длятся минуты —
с неба спускаются
парашюты...

Будут служить авиации
долго
крепкие нити
ребячьего шёлка!
Вьется над нами,
трепещет над нами
гордое знамя,
крылатое знамя...
В шёлке знамен
над Аму и над Волгой —
красные нити
ребячьего шёлка!

**ОКНО
СЕМИ-
ЛЕТКИ**

ДАШКЕСАНСКОЕ ЖЕЛЕЗНОРУДНОЕ

Высоко в горах Азербайджана на руднике Дашкесан добывают железную руду. Руда Дашкесана бедна железом, поэтому ее надо обогащать. Делается это так. На обогатительной фабрике установлены мощные электромагниты, они притягивают магнетит — породу, содержащую железо.

На снимке вы видите обогатительную фабрику и канатную дорогу. Сначала по канатной дороге, потом поездом везут обогащенную руду на металлургические заводы Закавказья.

По семилетнему плану на фабрике строится корпус «мокрой магнитной сепарации». Теперь руда пойдет к электромагнитам смешанная с водой, тонко измельченная. Новый способ поможет металлургам выплавлять более дешевый чугун.

Фото геолога М. Ефимова

Пароль: — *Смело и бодро вперед!*
Отзыв: — *Победа во что бы то ни стало.*

КЮФ ИДЕТ В НАСТУПЛЕНИЕ

Товарищ пионер!

Сегодня мы расскажем тебе о Коммуне Юных Фрунзенцев — сводной дружине пионерского актива Фрунзенского района Ленинграда.

Каждую зиму, весну и лето собираются коммунарки на свои лагерные сборы. Здесь — их учеба и труд, здесь становятся они настоящими пионерскими вожаками.

До этого года лагерные сборы Коммуны проходили иногда в городе, иногда в пригородах: Вырице или Пушкине. А нынешней весной коммунарки решили: хватит подготовки. Нужно проверить, научились ли мы работать всерьез. Поедем туда, где труднее всего.

РЕШЕНИЕ ОБЩЕГО СБОРА КОММУНЫ

от 27 мая 1961 года

1. Одобрить результаты коммунарской разведки, проведенной 22 мая в Ефимовском районе области.
2. Назначить отъезд в Ефимье на 0.50 12 июня. Сбор в Доме пионеров.
3. Задачами лагерного сбора считать: Помощь труженикам Ефимовского района. Проведение операции РС — «ребятами села».
4. Базой Коммуны считать деревню Спирово. Места боевых действий отрядов — колхозы района: «Вперед», «Борьба», «Журавлево», «Ленинский путь».

„ВОЛГА“ ВЫСАЖИВАЕТ ДЕСАНТ

*Лишь тот зовется коммунарком,
Кто не теряет время даром
И за собой ведет ребят.*

(Из законов КЮФ)

Отряд «Волга» пришел в Журавлево ранним утром. По деревне шли строем, с песнями. Ребятишки высыпали на улицу, старухи судачили:

— Глянь, а шапочки-то! И флаг несут!

На стене клуба «волжане» повесили объявление: «Друзья! Приглашаем всех, всех на встречу с коммунарками!» А потом пошли в поле — там коммунарки сеяли сахарную свеклу.

- Помощь нужна?
- Не откажемся!

Работали до вечера. Уходя, ребята сказали:

— Приходите расскажем много интересного.

— Мало кто придет, устают все, — сомневались колхозники.

Но когда коммунарки подошли к маленькому зданию клуба, на площадке толпилось человек двести. — «На пасху такого не было», — говорили в толпе.

Ребята сели в кружок, запели. Сотни глаз смотрели на них — доброжелательно, любопытно, недоверчиво. — «Поете хорошо, — одобрил пожилой колхозник, — и работали хорошо. А кто такие будете?»

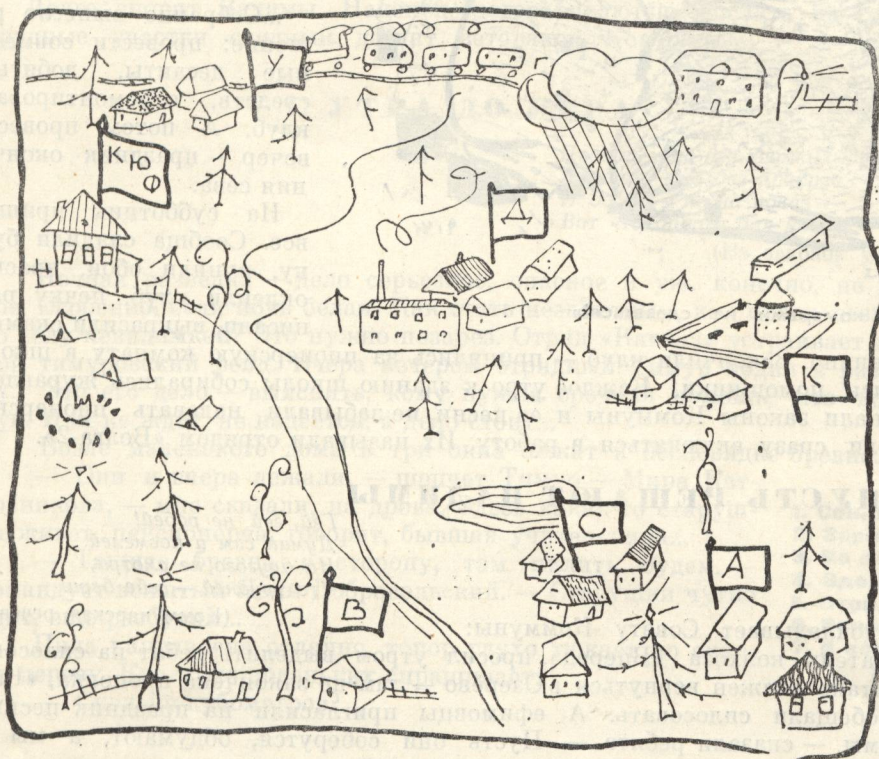

Первое знакомство с местным населением.

Друг отряда «Волга» Игорь Ефремов говорил о Коммуне, о ее законах. Ребята хором подхватывали: — «Да-вай бой дря-ни лю-бой!.. Лишь тот зо-вет-ся ком-му-наром...» Зал взорвался аплодисментами:
— Здорово! Давай бой! Правильно!...

А потом ребята пустились в пляс. Все перепуталось — где свои, где чужие... Все свои.

КАРТА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ КЮФ

Отряд «Сибирь» работал в Озерёве. Теперь там живет и действует спутник КЮФа — озерёвская «Сибирь».

Флажок отряда «Днепр» красовался у клуба Фанерного завода. Здесь, в отремонтированном ими клубе, «днепряне» сделали выставку,

«Волга» отличилась тимуровскими делами в Журавлеве. Теперь ими занимается местный отряд «Волга-2».

Флажок «Урала». Этот отряд действовал в колхозе «Вперед», где бригадиром комплексной бригады работает Вадим Лисовский — друг коммуны.

«Кавказ» работал в Сомино. Здесь осталась живая память о его делах — отряд «Кавказ-2» и «кавказята».

С таким флажком отряд «Алтай» пришел в Климово, где доблестно воевал с сорняками на кукурузном поле.

Каждый вечер собиралось у «огонька» население Журавлева. И однажды ребята узнали; здесь, в толпе зрителей — секретарь комсомольской организации колхоза. Они вытащили его в круг.

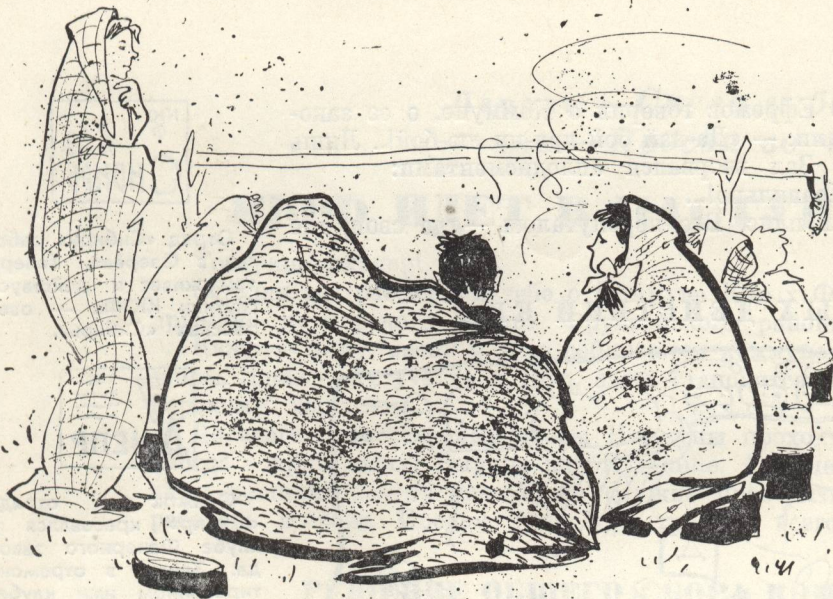
— Почему так скучно живете? Не видно комсомольцев нигде...
— Давайте, соберемся вместе и потолкуем.

Через два дня коммунары пришли на комсомольское собрание, посвященное окончанию сева. Секретарь стал докладывать: «Столько то га засеяли... Столько-то бригад работало...» Когда кончил, все молчали. Старшие коммунары, недавно принятые в комсомол, не выдержали.

— Не доклад это, а болтовня!
— Разве так собрание проводят? Как? Так вы же не сказали даже, какие задачи впереди. У вас дел по горло, а вы молчите!
— Клуб закрыт! — вскочил Коля Крепчук.
— Так будки нет для кино, — возразил кто-то.
— Сделать надо!
— Средств нет, — шумели хозяева.
— А вы требуйте от председателя — добьетесь! — не сдавались коммунары.

К трибуне подошел высокий парень, сказал с усмешкой:
— Легко вам разговаривать. Вы поработайте с наше — вечером не до кино будет.

«Волжане» загудели. Председатель собрания махнул рукой:

«Перед комарами не сдаваться!»

ки — стало светло и празднично. Закончили клуб — принялись за пионерскую комнату в школе. Тут у «воляжан» появились помощники. Каждое утро к зданию школы собирались журавлевские пионеры. Они уже знали законы Коммуны и ее песни, не забывали надевать пионерские галстуки, а главное — умели сразу включаться в работу. Их называли отрядом «Волга-2».

ПУСТЬ РЕШАЮТ ВАДИМЫ

*Гей, гей, не робей!
Думай сам и посмей.
На другого не смотри,
Что трудней — себе бери!*

(Коммунарская речевка)

Дежурный командир докладывает Совету Коммуны:

— Приходил председатель колхоза «Вперед», просил утром выделить ребят на силосование. Как быть? Завтра «Алтай» должен вернуться в Озерёво — там не закончена прополка, «Кавказ» — в Сомино: давно обещали силосовать. А ефимовцы пригласили на праздник песни...

— Пусть решают Вадимы, — сказали ребята. — Пусть они соберутся, обдумают, а мы на коллективной планерке решим.

Вадимы? Сколько их в Коммуне — два, три? Шесть, столько — сколько отрядов. Это должность такая — Вадим, а зовут их по разному: есть Вадим — Коля, есть — Митя...

Нам дорог отряд — коммуна дороже.
(Из лозунгов КЮФ)

Это Тимур отряда «Днепр». А зовут Тимура — Аленка Маркова.

А занимаются они все работой отрядов в колхозах: выясняют, где что нужно, организуют, ведут ребят... Но почему же все-таки Вадимы?

Вадим — имя одного из Друзей Коммуны, Вадима Лисовского, в прошлом — рабочего Ленметростроя, а теперь — бригадира в одном из колхозов Ефимовского района. Это он — Вадим Лисовский — был в числе первых ленинградцев, уехавших на постоянную работу в село, это он выбрал самый трудный участок, это он предложил фрунзенцам приехать в Ефимье, где так нужны сильные руки и горячие сердца.

У Коммуны много Друзей. Среди них — музыканты, художники, учителя, рабочие, инженеры. Это не вожатые. Вожатых коммунары выбирают из своей среды. Друзья — это взрослые советчики, мудрые и доброжелательные, это участники всех коммунарских дел. Пришли они в Коммуну разными путями, но стремление у них одно: передать свой опыт, знания, любовь к жизни тем, кто только учится строить коммунизм.

Объединяются Друзья отрядов не в педсовет и не в штаб, а в Ревком! Это название придумали сами ребята. В нем все — и любовь, и уважение, и признание авторитета старших друзей — революционного комитета Коммуны.

...Вадимам договориться нелегко. Каждый горой стоит за свой отряд. Каждый хочет работу потруднее...

«Алтай»: — Мы должны вернуться в Озерёво. Участок трудный и доверили его нам.

«Волга»: — До Озерёва 27 километров, а у вас маленькие есть! Лучше мы пойдем — не бойтесь, справимся с вашими сорняками!

«Кавказ»: — Нам надо в Сомино! Нас ждут!

«Днепр»: — Не вас ждут, а коммунаров! Идите лучше на праздник песни, а мы в Сомино...

Долго спорят Вадимы. Наконец, договариваются: послать на самые трудные участки сводный десант ветеранов Коммуны.

Саша Прут — ветеран коммуны и вожатый отряда «Алтай».

С У Т Р А Д О У Т Р А

*Правда — но без громких фраз,
Красота — но без прикрас,
И добро — не на показ —
Вот что дорого для нас.*

(Из законов КЮФ)

Ночная разведка — дело серьезное, опасное и уж, конечно, не легкое. Особенно, если ночь белая. Как стать незаметным, как проскользнуть по селу невидимкой? Это нужно позарез. Отряд «Кавказ» устраивает ночной тимуровский рейд. Вчера вечером отрядный Тимур ходил в разведку. Это его дело — выяснить, кому нужна срочная помощь, кто ждет вмешательства спорых рук. Или не ждет, не надеется, а дело стоит...

Возле маленького дома в три окна лежат в беспорядке бревна. Зачем они?

— Они и вчера лежали, — шепчет Тимур — Мира Катковникова, — мне сказали, на дрова. Здесь какая-то старушка живет, пенсионерка, говорят, бывшая учительница...

— Тащите бревна в сторону, там пилить будем, — командует вожатый Лёня Добровольский. — Старушки чутко спят, еще разбудим...

Пила направлена отлично, топор глухо тюкает по сухому дереву. Кто-то из новеньких спрашивает:

— Сколько кубометров?

Чистка картошки — тоже боевое задание.

1. Сон, подъем, питание,
2. Зарядка, и купание.
3. Во всем порядок, чистота,
4. Здоровье, дружба, красота.
5. Отрядный сбор — горячий спор,
6. Речевки, песни, шутки —
7. И все это — целые сутки.

(Заповеди дежурного командира)

— Коммунар спрашивает не «сколько работы?», а «где она?» — отвечает Лёня. — Разговор исчерпан.

Когда деревня просыпается и по улицам медлительно и важно движутся к околице первые коровы, отряд уходит в Спирово. Ребята оглядываются на аккуратно сложенные поленицы. Пять кубов, не меньше. Ничего поработали.

Ночь — царство Тимуров. А вот Райкины работают вечерами, у отрядных костров. Здесь выступают они со своими интермедиями, шутками, пародиями. Или готовят большой праздник ШИП-ШИП — праздник Шуток и Пародий, Шалостей и Проказ.

Днем же работает весь отряд — кто на прополке, кто на силосовании, кто опыляет кукурузу.

На базе в Спирово.

Солнышко, солнышко ясное,
Свети в пути!

Звездочка, звездочка красная
На груди!

РЕВКОМ НА ПЕНСИИ

В коммуне нет начальства,
Хозяин — коллектив...

(Из законов КЮФ)

Это случилось на весеннем лагерном сборе. Шел концерт. Ведущий объявил: «Сейчас выступит эстрадный оркестр под управлением Павла Колка!»

Павлик Колк — горнист. Он решил удивить коммунарков и привел на сбор своих товарищей музыкантов. Сам Павлик выступил в роли «ударника».

О, как он играл, этот оркестр! Мелодия тонула в стуках и хрипе, инструменты мяукали, квакали, хрюкали... — «Все, как в настоящем джазе, — сказал Павлик довольно, — стиль!»

Но одобрения не последовало. Даже аплодисменты были жидкие — два-три хлопка. А ревком вынес решение изгнать оркестр с лагерного сбора за проявление дурного вкуса.

И вдруг ребята зашумели: — «Неверно!»

— Что неверно? — спросил Игорь Петрович. — Вам понравился оркестр?

— Нет. Изгнание неверно, — заявили «алтайцы». — Такие вопросы должен решать Общий сбор.

— Правильно! — поддержали «сибиряки». — Ревком нас чересчур опекает. Мы сами хотим думать и решать.

А о том, чем кончился этот спор, мы прочитали в книге решений. Там записано:

«Бунт» коммунарков против Ревкома считать справедливым. Признать изгнание оркестра без решения Совета

Я, коммунар Коммуны юных фрунзенцев, перед лицом своих товарищей клянусь: трудиться всю жизнь не для славы своей, а для счастья людей. Клянусь руками своими, своей головой, сердцем своим — дряни любой давать бой, . . . никогда и нигде в жизни своей интересы людей ниже своих не ставить. . . Клянусь всегда и везде идти впереди, идеи Коммуны гордо и честно нести.

(Клятва коммунарков)

Без принужденья Коммуна живет. Дело зовет — добровольцы, вперед!

(Из законов КЮФ)

Вот он, Саша Сараев — строгий завхоз КЮФа.

Коммуны ошибочным. Впредь Ревкому не администрировать, а стать органом совещательным и воспитательным».

А ниже подписи Друзей отрядов. Все подписались, значит — согласны.

И теперь бывают дни, когда ревкомовцы не имеют права помочь своим отрядам даже советом.

— Ревкому уйти на пенсию! — раздаётся утром команда.

— Ревком на пенсии! — разносится по коммуне.

— Отдыхайте, — советует взрослым дежурный командир. — Борис Михайлович, вы хотели порисовать? Игорь Петрович, вот книжечки, почитайте...

А ребята работают. Самостоятельно, без оглядки на старших.

КТО РЕКОМЕНДОВАЛ ЛИЛЮ?

*Стал коммунаром — не пищи,
Легкой жизни себе не ищи!*

(Из законов КЮФ)

Идет Общий сбор. Звучат голоса командиров:

— Отряд «Алтай» рекомендует в коммунары....

— Отряд «Днепр» рекомендует в коммунары....

И вдруг:

— Отряд «Волга» просит вывести из Коммуны Лилю Никанорову. Лилия — равнодушный человек. Она не хочет работать и дружить с нами. Она говорит: «Лучше бы я поехала в

обычный лагерь, там едят вовремя...» Если ей не нравятся наши тимуровские рейды, наша работа на полях, пусть уезжает!

**В Коммуне друзья
Живут без „Я“.**

Всем на удивление

Одно местоимение — „МЫ“!

(Из законов КЮФ)

— Кто рекомендовал Лиллю? — спрашивает Наташа

Андреева.
— Я.

— Сотни глаз требовательно смотрят на самого уважаемого, самого любимого ревкомовца — Игоря Петровича Иванова.

— Моя ошибка, — медленно говорит он. — Я считал — девочка умная, отличница, председатель совета отряда. Знал, что Лилия избалована, эгоистична, но думал, здесь она изменится. Этого не случилось. Несу за свою рекомендацию коммунарскую ответственность...

— Вы согласны с решением отряда? — уточняет дежурный командир.

Отметить мужественное поведение „Алтая“, по вызову Совета Коммуны, совершившего марш-бросок в 27 километров.

Примечание: „Алтай“ требует эту запись вычеркнуть.

(Из книги решений)

Лилия — она все время смотрела в сторону — бросает быстрый взгляд на Игоря Петровича.

— Да, полностью, — говорит он. — Пусть Лилия обдумает то, что произошло. Ей это необходимо... А я виноват. Учту.

Коля Крещук кивает — правильно, учтите.

РАДИ УЛЫБКИ ТОВАРИЩА

*Только слабый ищет славы,
Только слабый ждет награды.
Обойдутся коммунары
Без почета, без награды.*

(Из законов КЮФ)

Галя Кулиева: — В отряде «Кавказ» появился турист. Вот он сидит. Наташа Маланичева — будьте знакомы.

Наташа: — Я не турист. Просто получилось недоразумение с обедом...

Леня Добровольский: — Недоразумение? Ну, знаешь... Наташу назначили поваром по ее просьбе и потому, что она хорошо готовит... Так?

Наташа: — Так...

Леня: — Через три дня ребята решили: хватит. Пусть Наташа идет в поле, а готовить будет кто-нибудь другой. Она начала капризничать.

Вожатый «Кавказа» Леня Добровольский на прощальном празднике веселил гостей.

Встать, суд идет! Суд... над песней. Ребята решили судить строгим и справедливым судом песню «Шаланды, полные кефали...» На рисунке запечатлен самый интересный момент — речь прокурора. Крайний слева — подсудимый.

Коля Крещук: — Захотелось загорать, пока обед варится? Эх ты, дачница!

Женя Хрычкин: — Скажи прямо, почему начала капризничать? (Наташа молчит)

Друг отряда Толя: — Наташе хотелось, чтоб ее все время хвалили. А мы один раз сказали, что суп — так себе. Наташа бросила ложку: не нравится — готовьте сами!

Галя Кулиева: — Это же мещанство — обижаться на критику!

Наташа: — И совсем это не мещанство... У костра дымно, отой-

дешь — комары едят, а тут говорят: почему в супе горошина от горошины не отделяется?.. Ну, и обидно стало.

Виктор Малов — друг отряда «Алтай»: — Закон Коммуны знаешь, Наташа? О наградах и славе? Мы работаем ради улыбки товарища. Ясно?

(Отряд «Алтай» одобрительно шумит. Это он, «Алтай», первым в Коммуне отказался от поощрений, от вымпелов. Разве для того, чтобы хорошо работать, мало сознания, что твоя работа нужна людям?)

Диалог записан на Совете Коммуны

КАК БОЛЕЛ САША САРАЕВ

Формалист и бюрократ — Самый ядовитый гад!

(Из законов КЮФ)

С некоторых пор ребята стали замечать, что завхоз Коммуны Саша Сараев обзавелся документацией. У него появились ведомости, списки, пухлые тетради, в которых Саша что-то отмечал и чиркал.

Заметили и другое: проводит, например, Саша зарядку. Увидит, что кто-нибудь плохо делает упражнение, остановит всех и вытащит лентя пред очи всей коммуны. Двести человек стоят и смотрят, как один соня прыгает под сашину команду сто раз подряд. Так и кажется, что Саша сейчас вынет книжечку и запишет: «Выдано такому-то столько-то прыжков. Потеряно столько-то времени...»

**Устал — подтянись.
Ослаб — взбодрись
Помни: революция не кончалась!**
(Из лозунгов Коммуны)

Словом, Саша заболел. Симптомы были угрожающими. О них поведали Совету Коммуны вернувшиеся из дальних колхозов ребята.

— Когда мы уходили в Озерёво, Саша выдал нам всего три палатки, — шумели «алтайцы», — мы не возражали — будем штабелями спать, раз палаток нет. А вернулись — палатки на складе лежат!

Совет гудел множеством голосов. Выяснилось, что Саша и одеяла «зажал».

— Имущество беречь надо. Это ж материальные ценности, — оправдывался Сараев.

— Палатки — ценность, а люди?! — взорвался Совет.

— Но палатки нужны для людей. Вдруг понадобятся бы...

— Формализм — вот это что такое! — крикнул Коля Крещук.

После Совета в Книге решений появилась выразительная запись:

«Предупредить завхоза Сашу Сараева, чтоб не перегибал палку, иначе он может превратиться в формалиста и бюрократа».

СЛУШАЙТЕ МИРНОЕ УТРО

Будь, коммунар, новой жизни

творцом,

Армии Ленина смелым бойцом!

(Из законов КЮФ)

Ясное утро. На лесной поляне слышен шорох осин и легкий шелест травы. И кукушку слышно. Кому-то сулит она долгие годы? Неподалеку размеренно постукивает топор. Человек встал ни свет ни заря и работает. Что он строит — дом? А может, это ремонтируют школу?

Затаив дыхание, стоят ребята на торжественной линейке. 22 июня 1961 года. Четыре часа утра. Двадцать лет прошло с того дня и часа, как началась война. Молча стоят коммунары. Они встали по тревоге. Они слушают мирное утро. Слушают тишину, наполненную звуками работы и мира. Слушают и думают о тех, кто никогда не услышит стука топора в родной деревне, кому кукушка не напророчит долгой жизни.

А потом в тишине раздается голос водителя:

— Предлагаю послать телеграмму матери героя-краснодонца Виктора Третьякевича, и отныне отряду «Днепр» носить имя героя!

И звучат над поляной слова Михаила Васильевича Фрунзе — девиз коммунаров:

— «Смело и бодро вперед! Победа во что бы то ни стало!»

Линейка окончена. Отряд уходит в поле, на работу.

Пионер чтит память героев — чтит делами, продолжающими их дела.

ТОВАРИЩ ПИОНЕР!

ПРОЧТИ РАССКАЗ О КОММУНЕ У СЕБЯ В ОТРЯДЕ.

ОБСУДИ С ТОВАРИЩАМИ. ВСЕ ЛИ ПРАВИЛЬНО В КОММУНЕ?

Рассказ о Коммуне Юных Фрунзенцев иллюстрирован зарисовками друзей Коммуны — студентов живописно-графического факультета Московского педагогического института — Ю. Иванова, Н. Павлова и В. Чумакова.

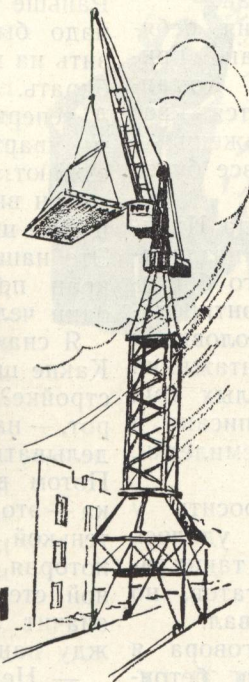

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ

Н. Неуймина

Сойдя с автобуса в конце Таллинской улицы, я остановилась в некоторой растерянности. Кругом десятки новых домов. Некоторые уже совсем готовы, другие доросли только до второго этажа, а для третьих еще рыли котлованы.

Из-за крыш выглядывали краны. Где-то здесь работает бригада Шаповалова, которого мне надо найти. Но где?

Я спросила встречного:

— Не знаете, где сейчас работает Шаповалов?

— Шаповалов?

Вон там, за теми домами. Монтирует четвертый этаж. Поближе доберетесь, еще спросите.

Мне пришлось еще не раз спрашивать, и каждый раз отвечали уверенно и обстоятельно.

«Что же это за человек? — подумала я. — Его все знают.

Только побывав в бригаде Шаповалова, я поняла, почему каждый строитель квартала всегда знает, где он работает и чем сейчас занят.

Там же я поняла, почему у нас теперь дома строятся так быстро и скоро будут строиться еще быстрее.

...Из чего строят дома? Из кирпича?

Наверное, многие до сих пор так считают. И неудивительно. Сотни лет люди складывали дома по кирпичику и казалось, ничто не может заменить че-

ловеческих рук. Но как же быть, если нам за семь лет хочется построить почти столько же жилья, сколько в 1956 году было во всех городах нашей страны?

Ответ один: надо придумать что-то совсем новое.

А нельзя ли на заводах, с помощью машин делать сразу большие части домов — панели. Тогда останется собрать их, как собирают из деталей станки и автомобили, часы и авторучки, — предложили конструкторы и строители.

Оказалось — можно. Но только уже не из кирпича, а из железобетона. Заводы стали давать строителям целые стены, лестничные марши, перегородки, балки, перекрытия. Одно плохо — их делали разные заводы: кто — лестницы, кто — стены. Случалось, на стройку завозили не те детали, которые сейчас нужны. У стройки и заводов не было одного хозяина.

Весной 1958 года ленинградцы решили: если уж строить дома с заводской помощью, так пусть и делает и монтирует дома один и тот же завод. Вот тогда и видно будет — где плохо и как можно сделать лучше.

Так родился ленинградский метод строительства — на до-

мостроительных комбинатах. На самой строительной площадке уже не «строят» дом — там идет сборка.

...Я стою рядом с Иваном Григорьевичем Шаповаловым на третьем этаже будущего дома. Над нами протянулась огромная рука башенного крана. Она бережно поднимает панели и подносит их к рабочим, к краю этажа.

«Давай, давай», — показывает рукой монтажник. И кран «дает» — подвигает панель поближе. Для него эта панель — часть стены — как щепка для слона. И все-таки он осторожно, до сантиметра, придвигает эту стену к месту, где она должна стоять.

— Хорошо, — говорит, наконец, монтажник, и кран замирает в воздухе. Бетонщик быстро досыпает бетон «под ноги» панели, чтобы крепче держалась. Электросварщик сваривает стыки. И вот она стоит. Только теперь это уже не панель, а кусок стены.

Пока мы разговаривали, вокруг нас выросла целая стена и начала расти вторая. Со стеклами в окнах, электрическими проводами, дырками для штепселей и водопроводными трубами. Настоящий дом. Только фундамента не видно.

— А фундамента и не нужно, — говорит Иван Григорьевич. — Видите большие железобетонные трубы? Дома стоят на них, как на сваях. Никаких котлованов рыть не надо.

Шаповалов как будто и не следит за стройкой, а между тем, все видит.

— Что у тебя, Надя? — закричал он вдруг, прервав наш разговор. Я и не заметила, что кран беспомощно остановился: что-то в нем испортилось.

Иван Григорьевич спустился к рабочим, а потом вернулся озабоченный. Дело в том, что кран берет детали прямо с грузовика и ставит их на место. Раньше панели сгружали

на землю, а теперь от этого отказались, по-новому быстрее.

— Сейчас вы увидите сами, — сказал мне бригадир, — что мы живем по строгому графику. Если где-нибудь «заест», сразу видно.

И верно. Грузовик с огромным, необычным прицепом, панелевоз, все еще стоял у крана, когда подошел второй. Забегали строители, слесари. Спустилась с крана Надя. Разобрались, починили. Опять поехала по воздуху стена, и опять монтажник — как ни в чем не бывало — подсказывает крану: «Давай, давай!»

— Хорошие у меня ребята, — улыбается Иван Григорьевич, — молодцы. Командовать не приходится — все сами понимают. А скажешь, — проверить не надо: все будет сделано.

...В январе этого года Никита Сергеевич Хрущев поздравлял Шаповалова и его бригаду, которая тогда монтировала в месяц два с половиной дома. А сейчас монтажники успевают собрать целых три. Это больше, чем записано в плане на конец семилетки. Здорово!

Мне хотелось спросить у Шаповалова, как удалось строителям добиться таких замечательных результатов, но его опять кто-то отозвал.

Из обрывков разговора я поняла, что заболел бетонщик. «Эх, простой будет», — подумала я. — Когда еще успеют вызвать замену!» Но никакого простоя, даже заминки не было: на место бетонщика встал такелажник.

— У нас все владеют тремя профессиями, — ответил Иван Григорьевич на мой невысказанный вопрос. — Сейчас осваиваем четвертую — электросварщика. Освоим — еще быстрее строить сможем.

Сейчас в наших домах тысяч пятнадцать новоселов жи-

вет. Хорошо, что теперь строим не отдельные дома, где придется, а целые кварталы, даже районы. Все предусмотрено. Вон там, кинотеатр будет. А это — школа. Сразу и дороги прокладывают, и водопровод. Даже деревья сажают.

Жаль только, что дома однообразны. Можно ведь было бы строить не только пятиэтажные, как сейчас, а шести- и семиэтажные и архитектуру разнообразить.

Самое главное сейчас — больше жилья строить. В этом мы по возможности и архитекторам и инженерам помогаем. Раньше построили дом — кран надо было разбирать перевозить на новое место и снова собирать. Два месяца уходило. А теперь краны у нас по всему кварталу на рельсах разъезжают.

Вон видите люльку для расшивки швов на соседнем доме? Это наша выдумка. Раньше ее кран перетаскивал, а теперь один человек справляется.

Я сначала ничего не поняла. Какие швы надо расшивать на стройке? Казалось бы, наоборот, — надо все сшивать, заделывать... И какая люлька? Потом выяснилось, что люлька — это что-то вроде коротенькой пожарной лестницы, которая свисает с недостроенной стены, а расшивать — это значит замазывать швы между панелями.

— Немало всяких приспособлений придумали, — закончил Иван Григорьевич. — Каждое — вроде бы мелочь, а все вместе здорово помогают...

* * *

...Возвращаясь к автобусной остановке мимо новых, только что выросших домов, я думала о том, какие замечательные люди их построили.

Это — люди, идущие впереди.

Они работают по-коммунистически.

Повесть «Где наша не пропадала» — первое мое сочинение в прозе. До этого я писал только стихи и занимался журналистикой. Но в стихи все виденное и пережитое мной не вложилось. И я решил рассказать о трудной и прекрасной судьбе своего ровесника прозой. Жизнь наша настолько богата событиями, что мне ничего не пришлось выдумывать. Мне хочется, чтобы опыт моих ровесников помог осмыслить жизнь мальчикам и девочкам нового поколения, чтобы они могли сказать словами моего Кукушкина: «Нигде наша не пропадет».

М. Дудин

Кукушкин знал лес очень хорошо и безошибочно выбирал направление, угадывая тропинку под опавшими листьями. Смеркалось, когда он, наконец, в меру уставший, подошел к двухэтажному белому особняку под красной крышей. Это была школа. Вокруг школы был разбит небольшой липовый парк, пестревший песчаными дорожками и круглыми клумбами с яркими высокими цветами. В школе было странно тихо. Кукушкин обтер ноги о мокрую траву, скосырнул из-под каблуков грязь щепочкой и постучал в дверь. Ему никто не ответил. Тогда он поставил около двери свой сундучок и присел на него, ожидая, что кто-нибудь да должен появиться.

С дороги он все-таки устал. От усталости задремал. Он очнулся от легкого прикосновения чьей-то руки и открыл глаза.

Перед ним стоял высокий мужчина в кожаной куртке. Без фуражки. Черные прямые волосы были аккуратно зачесаны назад, под густыми совиными бровями блестели живые

ГДЕ НАША НЕ ПРОПАДАЛА

(Отрывок из повести)

Михаил Дудин

Рисунки Н. Кустова

острые глаза. У человека был низкий грубоватый голос.

— Спят не здесь, — коротко сказал человек. — Идем!

— Идемте, — ответил Кукушкин вставая. Потом взял свой сундучок и пошел вслед за незнакомым человеком.

Они поднялись по лестнице на второй этаж, незнакомец остановился около двери с надписью «Учительская» и ключом открыл дверь, жестом приглашая Кукушкина войти за ним в комнату. Человек разделся, повесил тужурку за шкаф, а сам, пройдя к столу, повернулся к Кукушкину лицом и сказал:

— Давай знакомиться!

— Давайте, — ответил Кукушкин.

— Меня зовут Петр Иванович Филин, я директор школы.

— Меня зовут Кукушкин, — ответил Кукушкин.

— Отлично!

Петр Иванович провел Кукушкина в соседнюю комнату, где было расставлено семнадцать железных кроватей, заправленных одеялами и подушками. На восемнадцатой койке лежал только один полосатый матрац.

— Вот это и будет твое место! — сказал Петр Иванович, — Располагайся. Подъем — в

семь, отбой — в десять. Распорядок и расписание на доске объявлений. Уборная в нижнем этаже. Через полчаса ужин.

— Я ужинать не хочу. Можно я лягу? — попросил Кукушкин.

— Можно, — сказал директор, — только сегодня. — И ушел.

Кукушкин развязал одеяло и подушку. Глобус поставил на тумбочку. Сундучок поставил под кровать. Разделся, лег, натянул на голову одеяло и заснул сразу.

Когда человеку хорошо, — ему снятся хорошие сны. Кукушкину снилось море. Ни берега, ни корабля. Одна синяя вода и синее небо, и больше ничего. По этой синей-синей воде идет медленная волна и несет Кукушкина, несет легко и спокойно, чуть покачивая. Вода такая густая, что Кукушкин даже мизинцем не шевелит и не тонет. Вокруг него летает желтая бабочка. Бабочка садится рядом с Кукушкиным, на воду, и ее крылья вырастают до неба, превращая бабочку в сказочный корабль с желтыми, как подсолнух, парусами. Кукушкин поднимается на палубу и встает у руля. И вдруг руль превращается в морское чудовище, вырастает в щупальцы длинные и верткие, как кнут дяди Токуна. Они оплетают Кукушкина, валят на палубу. Кукушкин дергается и открывает глаза. Пытается встать и не может. Его ноги привязаны к койке полотенцем.

Его сосед, худой белобрысый парнишка, сидит верхом на койке и орет истошным голосом на всю школу:

— Подъем! На зарядку становись! — и запускает в Кукушкина подушкой.

Кукушкин развязывает полотенце и тоже вскакивает с постели. Ребята гурьбой выбегают в коридор, кубарем скатываются по лестнице и выстраиваются в коридоре нижнего этажа.

Кукушкин бежит следом за ребятами.

— Новички, на левый фланг! Стройся!

И первый день начался. И прошел второй день и день третий. Прошла неделя, и Кукушкин освоился, обжился, перезнакомился со всей школой.

По мнению Кукушкина, это была очень хорошая школа. При школе был скотный двор, сад, огород с парниками, пруд и метеорологическая станция, опытные поля и трактор. Все это хозяйство велось руками ребят. При школе так же была столовая, и весь доход от хозяйства шел в общий котел.

Ученики из окрестных деревень жили по домам. Приезжие — в общежитии при школе. Для мальчиков из младших классов комната была во втором этаже. Для выпускников — в нижнем. Обитатели первого этажа назывались — акулы, обитатели второго — плотвы. Между плотвой и акулами шла непрерывная война. Полем боя была лестница. Днем царил перемирие. После отбоя первые разведчики тушили единственную ночную лампу в

коридоре и входили в соприкосновение с противником. Главным оружием и в наступлении и в обороне были подушки. Победители имели полное право отбирать у побежденных оружие и спать, как турецкие султаны, на двух подушках. Победа была переменной, потому что плотвы было больше, и она была дружной и увертливой. Иногда сражения заканчивались появлением кита. Китом, только во время сражений, назывался директор школы Петр Иванович. Заслышав шум, он надевал халат и, мягко ступая войлочными туфлями, выходил в коридор, держа подушку наготове. Его узнавали по ударам и разбегались. Кажется, эта игра забавляла и акул, и плотву, и самого кита.

В школе было три класса и столярная мастерская. Петр Иванович жил в самой школе. Преподаватели — в соседнем полузаколоченном деревянном особняке.

У плотвы было больше свободного времени. Она освобождалась от дежурств по скотному двору. Акулам приходилось составлять по кормовым единицам суточные рационы коровам и пороссятам, готовить им корма и пойло, кормить и обихаживать их. А так же дежурить на школьной кухне. Резать хлеб, расставлять по дощатым столам бачки с кашей и супом.

Свободное от уроков время Кукушкин проводил или в библиотеке, или на катке, расчищенном на школьном пруду, или бегал на метеостанцию записывать в дневник погоды давление воздуха, силу ветра, количество осадков и температуру. Эту обязанность он взял на себя сам, выпросив у учителя физики и математики Сергея Александровича. Сергей Александрович вел так же кружок рисования и сам писал картины маслом. Кукушкин решил окончательно и бесповоротно быть художником и писать вывески. Потом, когда Сергей Александрович стал показывать на уроках наглядные опыты по физике и химии, Кукушкин увлекся этим, забросил краски и стал изобретать вечный двигатель. И целыми днями пропадал в столярной мастерской, делая таинственную конструкцию из пробок и консервной банки.

В мастерской он подружился со своим соседом по общежитию Мишей Бубновым. У Миши были желтые, как цыплячий пух, волосы, белые брови и белые ресницы и невероятное количество веснушек. Кукушкин рассказал Мише о своей затее. Миша серьезно покачал желтой головой и сказал:

— С вечным двигателем ничего не выйдет, трение помешает, сам пробовал.

Кукушкин никакого представления о трении еще не имел и, согласившись с Мишей, оставил свое изобретение.

Бубнов был серьезным человеком. Его мечты были гораздо скромней и приземленней Кукушкинских. Он не витал в облаках, будучи практиком. Он хотел быть пожарником, потому что его деревня Максаки на его памяти горела дважды. Поэтому он выписывал журналы «Красный пожарник» и «Знание — сила».

В журнале «Знание — сила» они натолкнулись на схему детекторного радиоприемника и по предложению Бубнова в столярной мастерской стали конструировать приемники. На помощь им пришел Сергей Александрович.

Они были одержимы своей идеей. Все пять Кукушкинских рублей и Мишины сбережения пошли на выпуск проволоки, клемм, гнезд, вилок и детекторов.

К зимним каникулам приемники, аккуратно покрашенные синей эмалью, были готовы и опробованы. В наушниках гудела музыка. В наушниках было ясно слышно: «Внимание, говорит Москва!»

* * *

За одной партией рядом с Кукушкиным сидела Тоня Магрычева. Она училась с ним в

Бабаевской школе, жила в деревне Кожино, в полуверсте от Дранкина. Кукушкин не обращал раньше на нее внимания. Ну девочка как девочка, что с нее взять, да еще белоручка. Пятистенный с приделком дом Магрычевых стоял в стороне от деревни. Его так и звали Магрычевский хутор. Дом был крыт железом, стоял на каменном фундаменте, на придворье было три амбара и два сарая, погреб и свой колодец. Отец Тони, Козьма Флегонтович, промышлял кожами и корьем. Лучшие поля и покосы были у Магрычевых. Сам хозяин подворья, сухой дубленый старик, был лыс, как куриное яйцо, и ребятишки любили дразнить его:

*Шла плешь в гору,
Да шла плешь под гору.
Плешь с плешью встретились.
Плешь плешь и говорит:
Ты плешь?
Я плешь?
На плешь капнешь,
Плешь обваришь!
Что, плешивый, говоришь?*

Прокричат эту дразнилку хором. И в стороны. Козьма Флегонтович грозил вслед обидчикам палкой и запоминал их. Запомнил он и Кукушкина. Надрал Кукушкин пучков пять корья, высушил и принес на Магрычевское подворье.

— Тащи к сараю, милок, сейчас приму, — попросил Козьма Флегонтович.

Кукушкин пошел вслед за хозяином. Хозяин взвесил корье.

— Разложи-ка его на солнышке, оно еще не просохло, и иди с богом.

— А деньги?

— Подь, сюда, милок, отсчитаю.

Кукушкин подошел. Магрычев ловко ухватил его за ухо и выдворил из подворья коленом под зад приговаривая: «Плешь да плешь, и нашего поешь!» И ушел Кукушкин не солоно хлебавши. Страшнее самого хозяина по всей округе был его сын Мефодий по прозвищу Балабан.

Он уже отсидел полтора года в тюрьме за поножовщину. Ходил Балабан в хромовых сапогах и в рубашке нараспашку. Рукава рубашки были закатаны выше локтя. На груди Балабана красовался выколотый синий орел, держащий в когтях голую женщину. Руки Балабана тоже были разрисованы удавами и якорями.

— Ты поедешь на каникулы домой? — спросила Тоня Кукушкина.

— Пойду! — ответил Кукушкин.

— Поедем вместе, за мной приедут.

Кукушкин посмотрел на Тоню так, как будто ее в первый раз увидел. Утром за Тоней приехал Балабан. Кукушкин собрал свой сундучок, бережно уложил в него приемник и вышел. Тоня уже сидела в легких беговых саночках, в беличьей шубке и в беличьей шапочке. Она была легкая, как снегурочка из сказки.

— Иди сюда, — позвала она Кукушкина.

— Это еще зачем? — недовольно проворчал Балабан.

— Или он со мной поедет, или я вылезу и пойду пешком, — довольно спокойно сказала Тоня. И, странно, Балабан смолчал.

Кукушкину это понравилось. «Женщине нельзя ни в чем отказывать», — прочел Кукушкин в какой-то книге, и, вспомнив это сей-

час, уселся рядом с Тоней в легкие бегунки.

Балабан тронул вожжи, и рыжий в яблоках жеребец взял с места и понес. Только снежная пыль летела в лицо да комья снега из-под копыт стучались о передок. Двадцать верст до Кожина пролетели, как песня на сенокосе, легко и незаметно.

— Приходи к нам в гости, — сказала Тоня, вылезая из саней.

— Лучше ты к нам приходи, — сказал Кукушкин, оглядывая лохматого цепного пса, захлебывающегося лаем и пеной.

Тетя Поля к приезду Кукушкина вытопила печь в приделке, и он сладко заснул на кровати деда Павла. Сон повалил его сразу на обе лопатки, и Кукушкин не сопротивлялся ему. Встал он поздно. На улице было тихо и солнечно. Солнце горело в каждой снежинке, звонкое и ослепительное. Белый пух и неа легчайшими шапками висел на тишайших деревьях. Снегири на белой рябине висели, как румяные яблоки. В морозном воздухе над трубами стояли неподвижные дымки. Кукушкин встал, умылся и зашел в избу. Тетя Поля сидела на лавке у окна и расчесывала волосы Танюшке. На столе уже посапывал самовар тоже ослепительный, как солнце. Солнце было везде: в Танюшкиных волосах, длинных и золотистых, в проворных руках тети Поли, в ее длинных ресницах, в алюминиевой чайной ложке и в сахарнице. Вся изба была царством солнца, теремом света и спокойствия.

После завтрака Кукушкин оделся, взял топор, встал на лыжи и отправился в лес. Он выбрал две прямые сухостоины, срубил, обтесал и ошкурил и волоком притащил в деревню. Одну жердь он прикрепил к ветле, другую на крыше к трубе, натянул между ними проволоку, сделал отводку к окну приделка, залез в подполье и закопал в землю старое железное ведро с припаянной к нему проволокой, — сделал все, как советовал журнал «Знание — сила».

Пока он занимался всем этим, слух о том, что Кукушкин будет говорить с Калининным, с быстрой радиоболетел всех. И когда Кукушкин, закончив последние приготовления, взялся за рычажок детектора и настроил вариометр на нужную волну, приделок дяди Павла уже не мог вместить любопытных, они толпились в сенях и под окнами.

— Тише! — сказал Кукушкин.

И все замерли. В тонких мембранах наушников послышалась музыка. Кукушкин настроил приемник на высшую громкость и передал наушники тете Поле. Она сняла платок, перекрестилась. Лицо ее расплылось в

улыбке трогательного удивления. Она только и могла сказать:

— Батюшки, а ведь в самом деле играет...

Наушники переходили из рук в руки, и вместе с этим росло восхищение перед Кукушкиным. Он был, как бог, и золотой венчик славы уже сиял над его белесым чубом. Наконец наушники попали дяде Токуну. Его рот от неожиданности раскрылся, борода завернулась на бок, и в глазах мелькнули веселые огоньки. Видимо, передавали какую-то веселую музыку.

— Ой бабы-девушки! — воскликнул дядя Токун и пустился в пляс.

Среди гостей Кукушкин заметил и Тоню. Подозвал ее и дал ей наушники. Тоня послушала и спросила:

— Правда, это ты сам сделал?

— Он все может, — ответил за Кукушкина дядя Токун. — Он может сделать так, что на кожаном сапоге и на лысине твоего отца борода вырастет.

И Кукушкин не мог про себя решить, то ли это похвала, то ли насмешка.

К вечеру пришел посыльный из сельсовета. Кожинских и дранкинских мужиков приглашали на собрание в Бабаевскую школу. Вместе с тетей Полей в Бабаево отправился и Кукушкин. Ему хотелось послушать, что будет на собрании, а главное — повидать первого своего учителя Алексея Ивановича.

У Алексея Ивановича и у Елизаветы Валерьяновны был непререкаемый авторитет. Они всегда были вместе. Они обращались друг к другу на вы. А все в округе называли их «наши учителя» и запросто шли к ним за любым советом и в горе и в радости и никогда не получали отказа. Вот и сейчас они сидели рядом с великолепным Красовским в президиуме за покрытым кумачом столом, и маленькая Елизавета Валерьяновна, седенькая и подвижная, протирая пенсне, что-то шепотом говорила своему мужу, очевидно, опять обращаясь на вы.

Великолепный Красовский начал издали, он говорил о гражданской войне и об Антанте, об издыхающей гидре капитализма, доживающей последние дни, и еще о многих вещах мирового значения, в знании которых Красовский, по мнению всего сельсовета, был настоящий дока. И только к концу речи коснулся организации колхоза, закончив свою речь словами:

— Так что, товарищи трудящиеся крестьяне, вы должны понимать всю выгоду коллективного ведения хозяйства, только общий труд обеспечит нам дорогу к изобилию.

— Своего не посеешь, чужого не поешь! — сказал сидящий в первом ряду Козьма Флегонтович своим скрипучим голосом, так что его все услышали.

— Сам-то ты чей жуешь?

— Тихо!

— Пусть наш учитель скажет!

Алексей Иванович встал из-за стола, оглаживая бороду, стал ходить, как перед классной доской, спокойно доказывая преимущества колхоза.

— Конечно, колхозы для кулаков смертная петля, а для простого труженика-крестьянина спасение. Так ведь я говорю?

— Так-то так, да по сторонам оглядывайся, как бы худо не было! — донеслось из задних рядов. Кукушкин узнал голос Балабана.

— Пиши меня в колхоз первым, — сказал дядя Токун.

— Тебе что, у тебя ни кола ни двора и узды от чужой кобылы нету!

— Кто был ничем, тот станет всем! — отпарировал дядя Токун.

Страсти разгорались. Тетя Поля осторожно потрогала Кукушкина за локоть:

— Пойдем домой. Танюшка одна не управится.

Кукушкин ушел и, что дальше было на собрании, не знал.

Утром в Дранкино пришла страшная новость.

Мужики из школы разошлись за полночь. Алексей Иванович и Елизавета Валерьяновна вернулись в свою комнату, попили чаю, и Елизавета Валерьяновна, сославшись на усталость, направилась к постели. В это время и раздался выстрел. Заряд картечи угодил ей в голову, и она за смертью упала на подушку. Метили-то, конечно, в Алексея Ивановича, а попали в нее.

Хоронили ее через два дня. Весь сельсовет собрался на Бабаевское кладбище. Из района прислали двух слепых баянистов, и они играли «Интернационал», и им по своей доброй воле подыгрывал на скрипке дьячок Силантй Кобыла.

Кукушкину так и не удалось поговорить с Алексеем Ивановичем. Весь день он писал плакат. Поздно вечером он пришел на Магрычевский хутор и приклеил плакат к воротам подворья.

«Ликвидируем кулака как класс!»

Слова вмерзли в шершавые доски, и Козьма Флегонтович долго соскабливал их скребелью.

Нетрудно было догадаться, кто выстрелил в окно Алексея Ивановича. Мужики сами поймали скрывавшегося на сеновале Бала-

бана. Он был пьян. Ему скрутили руки за спину, бросили в дровни и увезли в город.

* * *

Взрослые, конечно, забывают об этом. Но мальчишки всего мира наверняка знают, что самое интересное место в любом доме — чердак. Полузаколоченный особняк рядом со школой, в котором жили учителя и помещалось общежитие девочек, давно привлекал внимание Кукушкина. На заднем дворе особняка к слуховому окну была приставлена лестница. Кукушкин, улучив удобный момент, когда его никто не мог заметить, с проворностью белки шмыгнул по лестнице на чердак. На провислых между стропилами веревках сохло белье. Около печной трубы были свалены сломанные стулья и кровати. Портрет царя Николая лежал поверх этого хлама, тускло поблескивая золотым багетом. Ножка с колесиком прорвав бумагу, вылезала из глаза царя угрожающе и страшно. Кукушкин пошел дальше, тихо ступая по сухой земле, наваленной на потолок для тепла. Он очутился как раз над заколоченной частью особняка и, увидев люк, спустился вниз в нежилые комнаты по шаткой скрипучей лестнице.

Сквозь щели заколоченных досками окон и остатки пыльных стекол полосами входил золотистый зимний свет и ложился на шербатый пол. Встревоженная шагами пыль в потоках света начинала таинственную пляску. Кукушкин, остановившись, загляделся на нее. Здесь, по мнению Кукушкина, должна быть непременно какая-то тайна. Он ждал ее. И он не ошибся.

В угловой комнате стояли шкафы. Пять шкафов сразу. И дверцы шкафов не были закрыты. И в каждом шкафу — полным полно книг. Лучших кладов, по мнению Кукушкина, на земле не существовало.

Он прямо так и застыл, боясь шевельнуться перед этим богатством. Школьная библиотека помещалась всего в одном шкафу и была перечитана. Кукушкин раскрыл дверцы у всех пяти шкафов, сел перед ними на пол и стал любоваться корешками.

Кукушкин пропал. Для него перестали представлять интерес уроки химии и физики, занятия в столярной мастерской и метеостанция. Он был на уроках, сидел за партой рядом с Тоней Магрычевой и ничего не слышал. Душа его была очень далеко. Дело в том, что в одном из шкафов Кукушкин обнаружил внушительную пачку желтеньких книжечек о приключениях знаменитых сыщиков Ника Картера и Ната Пинкертон. Маленькие книжечки легко умещались в кармане. Можно

было даже на уроке, незаметно вынув такую книжку из кармана, сунуть ее под крышку парты и читать, а в случае опасности опять засунуть в карман.

— Что ты смотришь? — спросила Тоня.

Кукушкин был добрым и доверительным человеком.

— Ты умеешь хранить тайну? — спросил Кукушкин.

Тоня кивнула головой и посмотрела на него так, словно сию же минуту готова была стать ради Кукушкина молчаливее могилы.

После обеда они вместе пробрались в заколоченный приделок и долго рассматривали книги. Говорили только шепотом. Потому что о тайне нельзя говорить громко. Кукушкину не давала покоя жажда действия. Его так и подмывало изловить какого-нибудь бандита или найти клад. Ни бандита, ни клада не было. Тогда Кукушкин выдумал клад. Выдумал и поверил, что он существует на самом деле. И об этом он рассказал Тоне, не посвятив в тайну даже лучшего друга Мишу Бубнова.

— Знаешь колодец около пруда? — таинственно спросил он Тоню. — В срубе этого колодца, в четвертом венце снизу есть отверстие, через него можно проникнуть в пещеру, в которой светло от драгоценных камней, как днем.

— А что мы будем делать с этими камнями? — спросила Тоня. Спросила так, словно сама побывала в этой пещере и своими глазами видела несметные богатства. Она не могла не верить Кукушкину.

Кукушкин знал, как надо открывать клады. По его убеждению надо было опуститься в колодец в двенадцать часов ночи под четверг. Почему именно под четверг, Тоня не могла догадаться, а Кукушкина спросить не смела. Да он и сам не знал. Его уже понесло, и он вошел в роль кладоискателя.

В двенадцать часов ночи под четверг они были на месте. Ночь стояла морозная и звездная. Кукушкин, как было условлено и оговорено заранее, спустил в колодец бадью и, обжигая о примерзлую цепь руки, полез вниз. Тоня мерзла наверху, держась за ручку ворота. Тоне хотелось спать. Кукушкин, спускаясь вниз и цепенея от страха, придумывал, что бы такое сказать Тоне, почему он не проник в пещеру. Что пещеры не существует, он ясно почувствовал, когда взялся руками за цепь и повис над черной пропастью колодца. Ему были видны только звезды, крупные и яркие, как драгоценные камни в несуществующей пещере. Ему было страшно. И он дернул три раза за цепь. Это было условным

сигналом Тоне. Тоня налегла на ручку ворота и с трудом повернула ее раза три. На большее у нее сил не хватило. Она старалась изо всех сил и еще на один оборот повернула ворот. В это время чья-то рука взяла ее за плечо. Тоня вскрикнула и выпустила ручку. Бадья глухо плюхнулась в воду. Тоня вскрикнула и увидела рядом с собой Петра Ивановича Филина.

— Что тут происходит? — спросил Филин.

— Он там, — еле проговорила Тоня, указывая в колодец.

— Кто там?

— Кукушкин.

Петр Иванович налег на скрипучий ворот и вытянул Кукушкина. С Кукушкина лила вода, и зубы его отбивали чечетку. Тоне было жаль Кукушкина. Тоня считала, что во всем виновата она.

— Что ты там искал? — спросил Филин.

— Клад, — скорее проточал зубами, нежели выговорил Кукушкин.

— Клады ищут днем, — серьезно заметил Филин и отослал Тоню в общежитие, а Кукушкина пригласил за собой.

Петр Иванович был холостяком и жил один. В его просторной двухоконной комнате пахло от бесчисленных гербариев сухим семеном и теплом. Над диваном висели два скрещенных ружья и три пейзажа, написанных Сергеем Александровичем.

— Ну, что ж, кладоискатель, выворачивай карманы, сушишь да спать ложись. О кладах поговорим завтра.

Кукушкин положил на стол «Баскервильскую собаку», развесил на лавке перед горячей лежанкой мокрое белье и лег на диван, закрывшись одеялом и полушубком Петра Ивановича. Петр Иванович достал из стола бутылку портвейна налил четверть стакана и заставил Кукушкина выпить.

— Согрейся и спи!

Кукушкин заснул.

Петр Иванович встал очень рано и ушел, не разбудив Кукушкина. Разговор о кладах так и не состоялся. На книжке «Баскервильская собака» лежала записка: «Если о библиотеке знаешь один, — никому не говори». Кукушкин встал, зашел к себе наверх, умылся и вместе со всеми позавтракал.

— Где ты был? — спросил его Миша Бубнов.

— В деревне, — соврал Кукушкин и пошел на урок.

Прозвенел звонок. Кукушкин спросил у Тони.

— Сегодня пойдем туда? — Под «туда» он подразумевал заколоченный флигель.

— Не знаю... — ответила Тоня, и глаза ее были печальными.

И все-таки они вместе после уроков забрались в свою библиотеку. Тоня была явно не в себе. Глаза ее смотрели как-то бессмысленно в одну точку, и книга вывалилась из рук.

— Что с тобой, Тоня?

Тоня заплакала беззвучно и горько. Крупные с горошину слезы потекли по ее щекам. Кукушкин не любил слез, особенно девчачьих. В другой раз он встал бы и ушел,

сказав: «Плакса, я думал, что ты человек, а ты плакса». Но на этот раз еще не известное ему Тонино горе, чем-то тревожным наполнило и его душу.

— Меня раскулачили... — тихо сквозь слезы выговорила Тоня.

Кукушкин не знал, как раскулачили Тоню. Кукушкин видел, как раскулачивали клюкинского кулака Степана Зернова. К двухэтажному, наполовину каменному, наполовину деревянному дому подали две подводы. Нагрузили на них какое-то тряпье, чугуны и самовар. Вышел Степан Зернов, мрачный, без шапки, за ним, голося и причитая, его многочисленная родня.

— Спасибо за добро, сельчане, — сказал Зернов, — может, встретимся... — и сел на дровни.

Подводы тронулись. Зерновский кобель метался на цепи, завывая от ярости. Народ расходился с Зерновского подворья глухо и молчаливо, как с пожарища. Наверно, подумал

Кукушкин, так же раскулачивали и Магрычевых. Так же подали подводу. Наверно, так же без шапки вышел Козьма Магрычев и сказал, обращаясь к собравшимся:

— Спасибо, мужики, за все добро, что я вам сделал... — И сани тронулись, и на санях запричитала забитая молчаливая Магрычиха, и дядя Токун крикнул вслед:

— Тебе давно пора за своим Балабаном. Одного поля ягода...

— Откуда ты знаешь, что вас раскулачили? — спросил Кукушкин Тоню.

— Мама передала, — сказала Тоня.

Кукушкин не стал расспрашивать Тоню, как и с кем ее мать успела передать о случившемся. Он понял одно, что выслали только хозяина. И ему стало жаль Тоню какой-то щемящей сердце жалостью. Ему вдруг захотелось быть по отношению к Тоне тем добрым человеком, каким стала для Кукушкина тетя Поля.

— Меня выгонят из школы? — спросила Тоня, как будто от Кукушкина это зависело.

— Не выгонят! — твердо сказал Кукушкин, словно он был сам Калинин, или по крайней мере директор школы Петр Иванович Филин.

Кукушкин был прав. Тоню из школы не выгнали. В Магрычевском доме так же, как и в Зерновском, разместилось правление колхоза.

— После обеда зайди ко мне домой, — сказал Петр Иванович Кукушкину. Кукушкин зашел.

— Ты никому не рассказывал про библиотеку?

— Нет! — ответил Кукушкин.

— Молодец! Ты мне нравишься. Идем, показывай свое сокровище.

Они проникли в заколоченный флигель путем Кукушкина — через чердак.

— О, да здесь и вправду целое сокровище! — сказал Петр Иванович, разглядывая шкафы. Потом подошел к двери, нажал на нее плечом, дверь поддалась, ржавые гвозди взвизгнули, и холодный свежий воздух хлынул во флигель, поднимая многолетнюю пыль.

Ремонтировала флигель вся школа. Старшеклассники под командой столяра перебрали полы и вставили стекла. Наделали столов, полок и табуреток. Протекающую крышу покрыли дранкой. Драночный станок сделал сам Петр Иванович. Кукушкин работал на этом станке, подтаскивая чурки, потом его включили вместе с Мишей Бубновым в бригаду маляров, и они целую неделю ходили перемазаные в сурике.

К маю библиотека была готова.

* * *

В силу мальчишеской стеснительности Кукушкин не выказывал никому своего восторженного восхищения перед Петром Ивановичем. Он был верен ему безмолвной верностью и готов был следовать за ним везде. Он старался подражать ему во всем, даже волосы со лба отводил так же, как Петр Иванович, двумя пальцами — безымянным и указательным.

Землемеров в ту пору было мало, и Петр Иванович все лето мотался по вновь организованным колхозам района, составляя новые схемы полей. Кукушкин везде следовал за ним. Таскал рейки и астролябию, перечерчивал схемы и, конечно, окончательно решил стать агрономом. За лето Кукушкин вытянулся, повзрослел, волосы его выгорели и стали желтыми, как у Миши Бубнова.

За лето он заработал порядочно денег. Тетя Поля спрятала их в сундук, сказав:

— Ты уже совсем парнем стал, скоро на гулянки ходить будешь. Надо костюм и штиблеты покупать!..

Кукушкин не возражал. Ему очень хотелось щегольнуть новым костюмом и желтыми штиблетами с крючками для шнурков, он тайно мечтал о галстукке.

Лето пролетело быстро. И вот Кукушкин опять в школе. Опять его койка стоит рядом с койкой Миши Бубнова. Опять после отбоя идет война плотвы с акулами, опять акулы и плотва узнают кита по ударам. Дел у Кукушкина прибавляется. На его ответственности две коровы и пять поросят. Всем им надо составлять по кормовым единицам суточные нормы, кормить и обихаживать их. Кукушкин даже научился доить по шведскому способу. Во внеурочное время через день идут занятия тракторного кружка. Мотор старенького «Фордзона» глохнет и заикается. Петр Иванович выводит его из гаража, останавливает и говорит Кукушкину, не заглушая мотора:

— Садись пробуй!

Кукушкин садится в железное жесткое седло, как в бархатное королевское кресло, спокойно дотягивается ногой до педали, такой он стал большой, выжимает скорость и берется за баранку. Трактор, урча и отфыркиваясь клубами дыма, трогается с места. Сердце Кукушкина поет, как мотор трактора, на всю мощность, захлебываясь от восторга, точно так же, как тогда в стаде у дяди Токуна, когда он впервые научился хлопать кнутом.

На переменах, взявшись под руки, ребята и девочки старших классов гуляют по кори-

дору школы и поют. Кукушкин идет рядом с Тоней, чувствуя ее теплую руку, доверчивую, как сама юность. Ребята поют. Кукушкин тоже подпевает:

*По дорожке неровной, по тракту ли,
Все равно нам с тобой по пути.
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати.*

Воображение Кукушкина работает быстро, будто бы не Петр Дьяков, о котором сложена песня, ведет свой трактор за околицу, а ведет он, Кукушкин, и ему сейчас предстоит встретиться с кулаками. Но его не успевают облить бензином, — звенит звонок, в классах захлопываются форточки, и учителя идут по классам. Петр Дьяков умирает в песне один, без Кукушкина.

Заявления о приеме в комсомол Кукушкин и Тоня писали вместе. Они сидели в библиотеке, где Лидия Васильевна выдавала книги. У Кукушкина был красивый почерк. У Тони — разборчивый, но какой-то разбросанный.

«Прошу принять меня, — писал Кукушкин набело, — во Всесоюзный Ленинский Союз Молодежи. Я постараюсь быть во всех делах верным завету товарища Ленина и все свои силы отдам делу Ленина», — и сам немного робел этого обещания, таким оно ему казалось грандиозным. У Тони так складно не получалось, поэтому она переписала свое заявление с Кукушкинского, и Кукушкин не считал это списывание зазорным.

Учеников шестого класса принимали в комсомол перед праздником Октябрьской революции. Кукушкина приняли сразу. Когда стали принимать Тоню, кто-то крикнул, что она дочь раскулаченного.

— Так я этого и не скрываю, — сказала Тоня, стоя у стола, сказала и покраснела, как от самого великого греха, и слезы готовы были брызнуть из ее растерянных глаз, но она удержалась.

— Сын за отца не отвечает, — сказал Кукушкин. Он уже чувствовал себя комсомольцем, и сердце ему подсказывало, что Тоню надо принять, что она ничем от него не отличается. Собрание зашумело.

— Тишина! — сказал Петр Иванович и встал. — Может быть, Кукушкин и прав, но торопиться не надо. Мы знаем Магрычеву. Она хорошая ученица, но у нее нет никаких общественных нагрузок. У меня есть предложение: поручить Кукушкину и Магрычевой занятия с неграмотными в деревне Рождествено. А Магрычеву принять кандидатом с испытательным сроком на три месяца.

На этом и порешили.

В столярной мастерской Кукушкин выстругал доски, профуганил их, потом склеил так, что комар носу не подточит, обвязал рамой, прошпаклевал и покрыл черным лаком. Классная доска вышла на славу. Лидия Васильевна выдала Тоне пять букварей, пять тетрадей в косую линейку и пять карандашей. И они пошли после обеда в Рождествено. Поземка переметала дорогу. Ветер в лицо продувал насквозь Кукушкинское пальто на рыбьем меху и, ударяя в доску, тормозил движение. Что бы ему дуть сзади! Кукушкин полетел бы, как лодка под парусом.

В Рождествено было двадцать три человека неграмотных. Кукушкину и Магрычевой поручили обучать только пятерых. С остальными занимались другие комсомольцы.

В просторной передней избе солдатской вдовы Марфы Подоговой собрались все пять учениц, сорокалетних баб, ради науки надевших яркие кофты и новые платки. Все они сидели за столом, на котором посапывал ведерный самовар. Когда в избу вошли Кукушкин и Тоня, хозяйка встала из-за стола и помогла им раздеться.

— Может, чайку попьете с дороги, не побрезгуйте уж!

После чая Кукушкин рядом с иконой повесил классную доску. Тоня положила на стол тетради, карандаши и буквари. Кукушкин, припомнив Алексея Ивановича, встал у доски и сказал, заложив руку за спину:

— Кто из вас знает буквы?

— Если б знали, дак бы читали, — сказала за всех хозяйка.

На первом уроке, по совету Лидии Васильевны, было громкое чтение.

Каждую неделю по вторникам и четвергам Тоня и Кукушкин приходили в Рождествено. Ученицы занятий не пропускали. Мало-помалу заскорузлые руки привыкли к карандашам и начинали выводить буквы, складывая их в слова. И каждый раз после занятий Марфа Подогова оставляла учителей «почаить», как она говорила, или поужинать. Отказываться от этого было просто невозможно. Вот и сейчас, пока Тоня и Кукушкин, после занятий пили чай, Марфа взяла Кукушкинское пальтишко, пришила две недостающих пуговицы и, провожая учителей на крыльцо, полусхута сказала:

— Баран да ярочка — хорошая парочка.

Учителя покраснели. Но это заметили только звезды.

— Пуговицы я могла бы тебе и сама пришить, — сказала Тоня и, помолчав, добавила, — а то, что мы у них каждый раз кормимся, по-моему, это не педагогично.

СПАСИБО,

ЧАРЛИ ЧАПЛИН!

Л. Мельникова

Ленинградский артист Рудольф Евгеньевич Славский — большой знаток жизни и творчества великого киноактера Чарли Чаплина.

С семнадцати лет Славский собирает документы, связанные с биографией Чаплина. Книжки на языках разных стран, вырезки из газет и журналов, редкие фотографии — и даже фильмы. Их в коллекции более семидесяти!

Я была у Славского. Перелистывала книжки. Смотрела фильмы. Вот о чем они мне рассказали.

Charlie Chaplin

Это кадр из кинофильма «Малыш». Чарли и его воспитанник Джекки идут на работу.

Джекки — впереди. Он разбивает камнями стекла в домах. Чарли — сзади. Его начинают вставлять стекла взамен разбитых.

Честным путем не заработаешь на хлеб в этом мире!

Чарли и Джекки — присмотритесь! — выглядят почти одинаково. Тот же потрепанный костюм, те же штаны не по росту, то же выраженные лица. Только один большой, а другой маленький.

Детство Малыша в картине очень похоже на настоящее детство того, кто играет роль его взрослого друга.

«Я, Чарли Спенсер Чаплин, родился в Лондоне 9 апреля 1889 года. Детские годы я провел в Лондоне, в Ист-Энде, районе бедняков...»

Покрытые слоем отбросов кривые улочки. Закопченные дома. Грущобы. Здесь под звуки шарманки шестилетний Чаплин плясал и кувиркался, потешал публику ради нескольких монет.

Он был настоящим маленьким

«кокни», мальчишкой из простонародья.

Когда Чарльзу исполнилось девять лет, он стал учеником акробата.

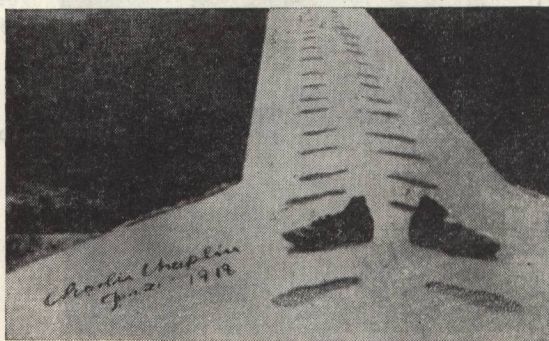
Однажды он должен был выполнить опасное упражнение — двойное сальто. Не сумев встать на ноги, покатился по опилкам и сломал себе палец.

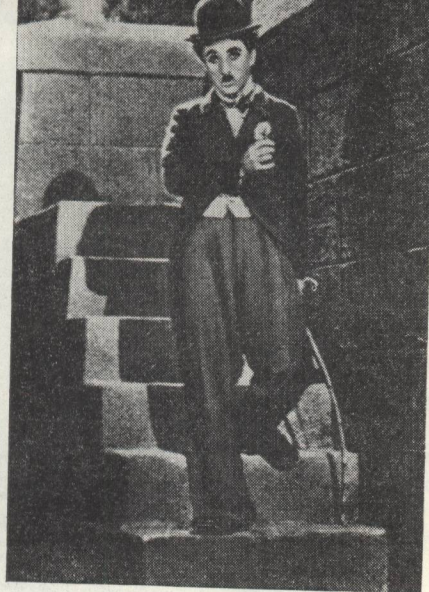
С тех пор Чаплин расстался с цирком. Расстался — позднее — и с Англией. Уехал в Соединенные Штаты. Начал сниматься в кино.

На снимке — дорожка. На ней следы: странная, утиная походка.

Это следы Чарли Чаплина. Когда в Голливуде заканчивалась постройка его киностудии «Одинокая звезда», он прошел по незастывшему асфальту и расплоскался тросточкой: «Чарли Чаплин. 21 января, 1918 год».

В то время он был уже известным актером и режиссером.

Маленький человек, смешной и печальный. Усики щеточкой, большие наивные глаза. Удивленно приподнятые брови.

Человечку всегда не везет. То он, к радости зрителей, проваливается в люк, то получает пинки, то плюхается в воду.

— Я клоун! — с гордостью говорит о себе Чаплин. Почему с гордостью? Потому что...

Комические фильмы выпускались во множестве и до появления Чаплина. Все они, в общем, были на один образец.

Кошка проглотила клубок шерсти, а потом у нее родились котята в шерстяных джемперах. Публика хохочет.

А вот пушечный снаряд сворачивает в переулочек вслед за человеком. Мотоцикл перескакивает через трамвай.

Публика, конечно, опять хохочет. Но смеяться можно по-разному.

Начальные кадры старой чаплинской картины «Огни большого города».

В городе праздник: торжественное открытие статуи «Просперити» — Процветания. Хозяева города, сытые лавочки и чиновники, ликуют. Внимание! С монумента спадает покрывало. И зритель видит: на коленях огромной статуи... спит маленький оборванный безработный.

Человечек просыпается. Он недоуменно взирает на возмущенную толпу. Он приподнимает котелок и извиняется: это, конечно, недоразумение, он сейчас слезет. Однако слезть не так просто. Слетел котелок. Зацепился за что-то штаны. А внизу стоит — руки за спину — и мрачно ждет полицейский...

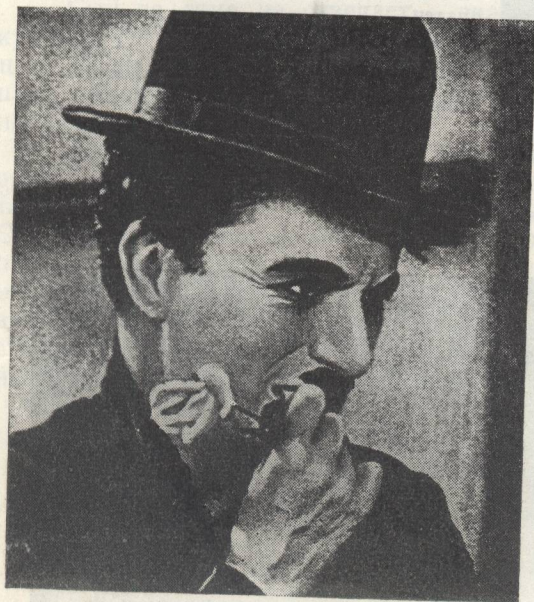
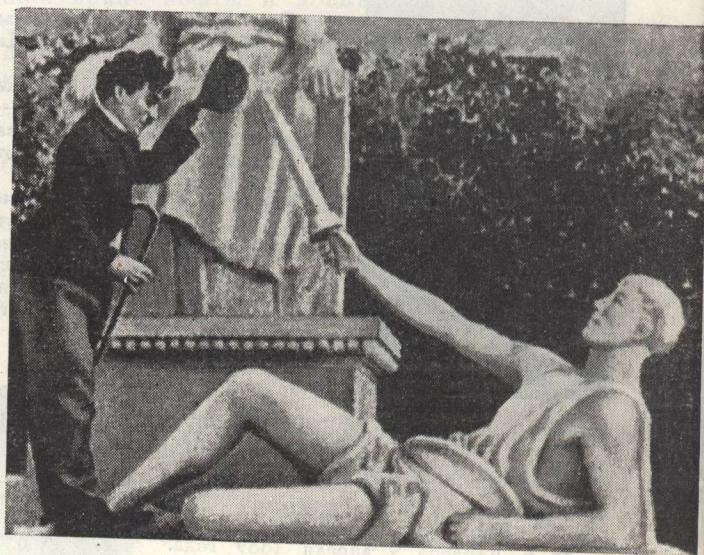
У меня есть приятель Санька Иванов. Он обожает футбол и смешные фильмы. Когда на экране взрослые дяди лупят друг друга, Санька сидит, раскрыв рот, и одобрительно восклицает:

— Во дает!

Но однажды тому же Саньке посчастливилось увидеть отрывки из «Огней большого города». Он, конечно, тоже самозабвенно смеялся над неловким наивным Чарли. Но он не только смеялся. По поводу подлимена и хозяев города он выразился вполне определенно:

— Всех бы их передать!

Вот что такое смех Чарли Чаплина.

Он умеет развеселить одним взглядом, одним взмахом тросточки. Кажется, будто у него не одно, а десятка лиц: радостных, забавных, плутоватых. И вдруг...

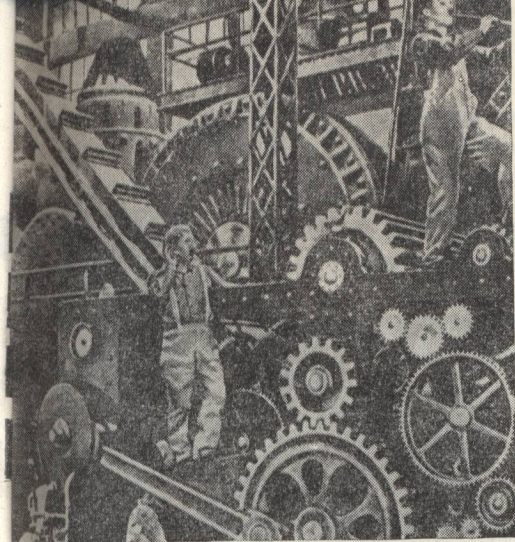
Смешно, когда Чарли, спасая пьяницу-миллионера, сам падает в реку, когда он в мокрой одежде важно садится на диван в роскошном особняке.

Но вот «друг»-богач, протрезвившись, приказывает лакею выставить оборванца за дверь.

Чарли идет по улице. Он сгорбилась, засунул руки в карманы. Мальчишки дразнят его. Слепая девушка-цветочница, которой он трогательно помогал, которой добыл денег на лечение, выздоровела, прозрела и разочарованно отвернулась.

Вглядитесь в кинокадр!

— Я хочу немного счастья, — говорят глаза Чарли. — Я хочу, чтобы уважали мое человеческое достоинство. В своих фильмах Чаплин выступил на защиту простого человека.

«Новые времена».
Огромная машина и маленький Чарли. Чарли работает с лихорадочной быстротой. Он завинчивает гайки. Конвейер — быстрее, и Чарли — быстрее. Кончается работа, но в мозгу Чарли — все тот же грохот машины. Он продолжает орудовать гаечным ключом. Он «завинчивает» человеческие носы, пуговицы, обливает машинным маслом лица мастеров.
И тут смех Чаплина — бич, который свистит над головами капиталистов.

Помните, он когда-то хотел стать акробатом? «Человек-оркестр» — так называют его в шутку теперь. Акробат, танцор, боксер, теннисист, стрелок, конькобежец. Играет на рояле, на скрипке, на органе, на аккордеоне, на гитаре, на губной гармонике.

Когда он выпустил фильм «Парижанка», ценители восхищались: каких талантливых артистов он подобрал! А потом те же артисты выступили в других картинах — оказалось, что они не так уж и талантливы.

Почему «повезло» им у Чаплина?

Потому что Чаплин, обучая их, сам исполнил на репетициях все — мужские и женские — роли.

Свою знаменитую колченогую походку Чаплин разучивал месяцами, по три часа в день.

На фильм «Огни большого города» он истратил сто тысяч метров пленки, а в готовую картину вошло только три тысячи. Некоторые ее сцены снимались по пятьдесят раз.

Чаплин сам пишет сценарии своих фильмов. Сам их режиссирует. Сам в них играет. Непомерен его труд. Вдохновенен талант. Неистощима выдумка.

Недавний фильм Чаплина. «Король в Нью-Йорке».

Король выдуманной страны Эстровии бежит от революции. И вот он в «свободной» Америке. Репортеры осаждают его, фотографы щелкают блицами. Но появляются чиновники полицейской службы. И уведат короля для того, чтобы снять у него... отпечатки пальцев.
На этом кадре вы видите испуганного, растерянного короля. Он предстал в конце-концов перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Его, короля, обвиняют... в коммунизме!

Случайно король запутался в пожарном шланге. И когда он поднимает руку, клянясь, что скажет правду, брандспойт, к его ужасу, начинает поливать членов комиссии!

Волье времени в постановке Дюсона Ренкина. (1937)

Недаром Джон Ренкин, член конгресса, потребовал в свое время высылки Чаплина из США как «опасного элемента».

Недаром капиталистическая Америка «отблагодарила» Чаплина за его бессмертные произведения:

Томом клеветнических обвинений в четыреста страниц.

Запрещением демонстрации фильмов.

Угрозой изгнания.

Угрозой смертной казни.

Следы Чаплина — вы их видели — были стерты с асфальтовой дорожки.

А Чарли Чаплин? Он ответил:

— Я и впредь буду идти своим путем.

У этой фотографии необычная история.

В конце Великой Отечественной войны коллекционер Славский — он был тогда солдатом — проходил по улицам маленького немецкого городка.

Под ногами — осколки стекла, выброшенные книги.

На листке мелькнуло что-то знакомое. Поднял Чаплин! Видимо, страница из какого-то журнала. А сбоку — отпечаток грязного сапога.

Фашизм рад был бы растоптать не снимок, а самого Чаплина. Потому что Чаплин всегда был врагом фашизма и войны.

Узнаете? Да, это, конечно, он.

Только вместо котелка — каска, вместо тросточки — винтовка, и... терка на поясе. Предмет домашний и очень мирный. Да и у солдата Чарли при всей его амуниции тоже очень мирный вид. Из-под каски смотрят широко открытые глаза: «Зачем воевать? Какие глупости!»

Это фильм «На плечо!». Сатирический фильм о первой мировой войне.

— Я очень горжусь этой картиной, — говорил Чаплин.

— Она возникла в самый разгар самого безумного военного психоза.

Один молодой солдат прислал, посмотрев фильм, Чаплину свои медали. Он считал, что Чаплин имеет на них больше прав.

А как попал в коллекцию этот снимок?

Гитлер... Гитлер безумными глазами смотрит на земной шар!

Это не Гитлер, а Чаплин в роли Гитлера в фильме «Диктатор».

Чаплин начал снимать «Диктатора» в 1939 году. Узнав о замысле артиста, Гитлер пришел в ярость. Германское посольство в Америке заявило протест. Чаплину угрожали убийством. А он ответил: чтобы не огорчать Адольфа Гитлера, он готов назвать фильм «Диктаторы» и показать в нем еще и Муссолини.

Когда фильм был готов, Чаплин послал его копию к себе на родину, в Англию. Фашисты потопили транспорт, на котором везли киноленты. Тогда Чаплин выступил по радио и публично предупредил Гитлера, что посылает «Диктатора» ввозь, но уже в нескольких копиях, по океану и по воздуху: хоть один экземпляр обязательно уцелеет.

Французский кинорежиссер Рене Клер сказал о Чаплине:
 — Своим смехом он метал снаряды... Превращал смех в бомбы.
 А сам Чарли Чаплин перед судом американских реакционеров.
 поджигателей войны, заявил:
 — Я верю в мир. Я — поджигатель мира!
 В 1954 году Всемирный Совет Мира присудил ему Международную премию.

А вот слова, с которыми обратился Чаплин к советскому народу совсем недавно, узнав о полете Юрия Гагарина.

Чаплин не был в Советском Союзе. Но он постоянно и внимательно следит за успехами нашей страны.
 — Я приветствую тебя, Советский Союз, — говорил он в годы войны, — за величественную борьбу, которую ты ведешь во имя свободы.

На снимке — командир советского танкера привез Чарльзу Чаплину в подарок медвежонка (1943 год).

Чарли ЧАПЛИН:

Поздравляю. Это великолепное и вдохновляющее достижение должно привести к обновлению отношений между народами, к прогрессу человеческого разума.

Это достижение должно покончить с темными временами войн и насилия, устаревшими для современного мира.

Пусть наука движется вперед в интересах прогресса. И пусть она не служит никогда целям разрушения.

Всегда с вами, за мир во всем мире.

Однажды корреспондент реакционной газеты в Нью-Йорке спросил Чаплина, не является ли он коммунистом. Чаплин ответил:

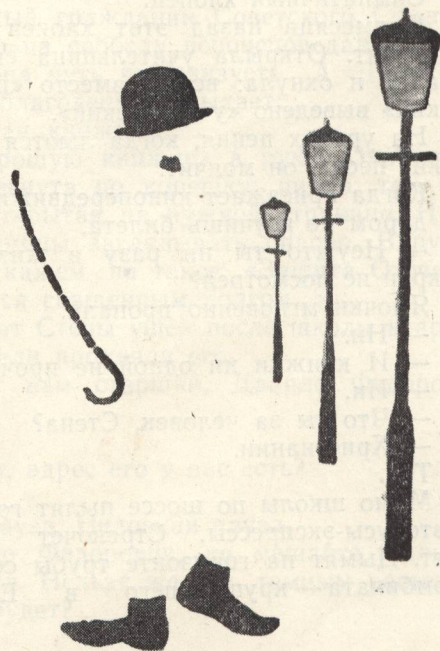
— Я артист. Меня интересует жизнь. Большевизм представляет собой новую фазу жизни. Я должен интересоваться им!

Сейчас Чаплин живет в Швейцарии. Ему больше семидесяти лет. Но он задумал еще два новых фильма.

Маленький смешной человечек. Человек, для которого слова: «Это — правда!» — всегда были и есть самыми главными словами.

Усы щеточкой, котелок, тросточка, стоптанные башмаки...

Спасибо, Чарли Чаплин!

Степа говорит „НИ“

Ф. Нафтульев

Рисунки М. Беломлинского

Сидим у открытого окна и разговариваем.
— Вот я приехал к тебе из Ленинграда. Знаешь, где Ленинград?

— На севере.
— Точно. А какая там река течет?
— Волга.

— Ой, что ты, это ж ты со Сталинградом спутал!

Рот до ушей, на щеках ямочки.

— Та я знаю. То Нева...

Симпатичный хлопец.

Полмесяца назад этот хлопец писал диктант. Открыла учительница его тетрадку и охнула: всюду вместо «пионерский» выведено «ученический».

На уроках пения, когда льются советские песни, он молчит.

Когда приезжает кинопередвижка, ему и даром не всучишь билета.

— Неужто ты ни разу в жизни на экран не посмотрел?

Ямочки мгновенно пропали.

— Ни.

— И книжки ни одной не прочел?

— Ни.

— Что ты за человек, Степа?

— Христианин.

Так.

Мимо школы по шоссе пылят голубые автобусы-экспрессы. Стрекочет вертолет. Дымят на горизонте трубы серного комбината — крупнейшего в Европе.

Христианин Степа Пясецкий, ученик четвертого класса, ждет продолжения беседы и доверчиво помаргивает.

— Ты про Юрия Гагарина слышал, Степа? Он вот летал-летал, а что-то никакого бога не обнаружил.

Ответ словно выскочил на пружинке:

— Его не можно бачить. Бог е дух.

— Откуда ж ты знаешь, что он есть, раз его нельзя видеть?

— Нивидкиля. Верую.

Завуч Мария Ефремовна — она сидит рядом — не выдерживает, вмешивается:

— Такой, слушайте, был бы пионер! И отметки приличные, и поведение. А как металлолом собирает! Больше всех в классе — тридцать шесть консервных банок собрал!

— Пятьдесят три, — уточняет Степа с обидой.

— Уже? Ну, прости, пожалуйста. За тобой не угнаться.

Смеется: доволен.

— Завтра еще принесу.
 — А ты кем хочешь быть, когда вырастешь? Рабочим? Или шофером?
 Снова, как на пружинке:
 — Бога буду прославлять.
 — Исты тебе бог даст, да? — взрывается Мария Ефремовна. — Вон ваши христовы братья колхозное зерно воруют: мол, «божье». И ты так?
 — Ни. Я честно буду прославлять.
 Что тут скажешь? Нужно кончать разговор.

Закрылась за Степой дверь. Мы с Марией Ефремовной посмотрели друг на друга: она — сокрушенно, я — вопросительно. И тогда мы тоже встали, вышли из учительской и пошли по селу.

Аккуратные хатки. Яблони у плетней. И нет, нет да и мелькнет в окошке, в палисаднике, за забором алый галстук. А рядом...

Обычный домик: ставни, крыша, плетень. Но Мария Ефремовна кивает, проходя:

— Тут бадают. И тут. И тут.

«Бадают» — значит молятся. В селе Рудники свили гнездо сектанты-беспоповцы.

Попов они не признают. В церковь не ходят. Собираются по хатам, запирают двери, голосят духовные напевы.

Добро бы только голосили!

Десятикласснику Мише Гусакову после стрелкового кружка мать не дает обедать: «Зачем винтовку в руки взял?»

Петя Горин два года сидел в пятом классе из-за географии: не хотел отвечать по науке, откуда день, откуда ночь, — боялся родительского «проклена».

А вот тут живет наш знакомый Степа.

Небритый дядько с хитрющими глазами поздоровался от калитки, не разжимая губ.

— Данило Федорович, добрый день! Мы до вас!

Вошли. Сели.

В красном углу, на стенке, рушник с вышитой евангельской цитатой. Икон ни одной: бог есть дух, лика не имеет. Степа, доброжелательно и любопытно взглядывая, нянчит на лавке маленькую сестренку.

— Что ж вы, Данило Федорович, не разрешаете петь сыну на уроках пения?

Дядько поднял брови.

— Я не разрешаю? Нехай поет. В писании сказано: «Все исследуйте, добра держитесь».

— Видите, в писании сказано, а он не исследует. Книжек, например, в руки не берет.

— Неправду говорите. А ну, покажь им книжку. Дай сюда, дай.

И Степа приносит книгу. Не какую-нибудь, не «Календарь колхозника» за позапрошлый год и даже не томик Шевченко. Из комода торжественно вынута... «Конституция СССР».

— «Каждый гражданин Советского Союза имеет право на свободу вероисповедания... — шпарит Степа чуть не наизусть. А Данило Федорович благолепно вздыхает:

— Хорошая книжка...

Беру «хорошую книжку» в руки. Она накрепко перегнута по корешку: видно, так и хранится, открытая на нужной странице. На другие страницы заглядывать опасно. Вдруг попадешь, скажем, на такое: «Защита Отечества является священным долгом...»

Когда брат Степы ушел после школы в армию, родители прокляли его.

— Пишет вам старший, Данило Федорович?

— Нет.

— Может, адрес его у вас есть?

— Нет.

Долгая пауза. Неловкая пауза.

— Данило Федорович, не мешайте мальчику учиться. Нельзя же так, темным растет. Как жить будет?

— Ни! — кричит Степа. — Мне не мешают! Никто не мешает! Сам не хочу!

Отец огорченно гмыкнул. Но в глазах его, как две иголочки — победоносная ухмылка:

— Взяли? Видите, какой?

Он гордился. А мне вдруг стало ясно: гордиться-то нечем.

Найдите мальчишку, который отказался бы покуралесить, зная, что это сойдет безнаказанно!

А разве не интересно, когда тебя убеждают, разговаривают с тобой по-взрослому, ходят, как вокруг большого?

Ни в какого бога в свои одиннадцать лет Степа по-настоящему не верит. Он просто озорничает — последовательно, увлеченно, хотя, может, и сам того не сознает.

Пока — озорничает.

Когда мы с Марией Ефремовной выходили от Пясецких, на нас взглянул от крыльца странный, нездешний человек. Нечесанные патлы до плеч, кудельная борода, ветхая одежка.

Летели по шляху автобусы. Перекликались велосипедисты. За горизонтом, совсем близко, зеленел рабочий город Новый Раздол.

Человек смотрел дремучими, волчьими глазами.

— Опять проповедник какой-то приплелся, шут их знает, — вздохнула Мария Ефремов-

на. — Тут недавно одного ребята задержали, в милицию сдали: подумали, диверсант...

Ну и правильно подумали.

Учить людей жить, как во сне, сторониться всего хорошего, что есть вокруг, — разве это не диверсия? Разве не злодейство?

Их прогоняют. Разоблачают. Высмеивают. Здесь, в Рудниках, у них тоже начинает гореть земля под ногами. Петя Горин прочел в нынешнем году целых две книги. Миша Гусак по секрету от матери вступил весной в комсомол.

Но они еще бродят по нашей земле. Трясут патлами. Воздевают костлявые руки: «Бойся! Молись! Грех!»

И Степино озорство может кончиться плохо.

Все нейдет у меня из памяти его круглоглазая добродушная рожица, его удалое, с чужого голоса затверженное «ни».

Напишите ему, пожалуйста. Не жалейте, не упрекайте. Расскажите о себе, заинтересуйте, чем интересуетесь сами.

Пусть появится в дневниках ваших отрядов и дружин очень важный, очень срочный адрес:

Украинская ССР. Львовская область. Николаевский район. Село Рудники. Школа. Степе Пясецкому.

О С Е Н Ь

А. Ерестинский

Две подружки чернобровые
Расшумелись неспроста —
Спор у них из-за кленового,
Из-за алого листа.
Он летел, как вестник осени,
Он над улицею плыл...
Все дела подружки бросили
и — вдогонку — что есть сил!
Ветер злой ходил с утра уже
и разгневался всерьез:
Оттрепал девчонок за уши,
А кленовый лист... унес.

ДЕВОЧКА, С КОТОРОЙ Я СИЖУ

Сергей Погореловский

Рисунки Н. Носкович

Две косички,
Носик вроде кнопки, —
Девочка, с которой я сижу,
А характер — думаете, робкий?
Невозможный — прямо вам скажу!

Ну, про кукол толковала б, что ли.
Ну, про платья там, про свитера...
А она — видали! — о футболе:
— Чем, вратарь, закончилась игра?

Проиграли?..
Вы не виноваты!
Очень скользко было, на беду!..
Точно я без этого, ребята, —
Без ее вниманья — пропаду.

Как начнет:
— Помочь тебе не надо?
А с немецким как твои дела?..
Мой совет: прочти «Фрегат Паллада»:
Интересно! Я уже прочла!

Вот соседка — сущее несчастье!
Отвернусь нарочно и молчу.
А чихнул, — уже глядит с участием:
— Простудился?.. Надо бы к врачу!

— Ну и ну!..
Куда мне, братцы, деться? —
Я спросил в компании ребят.
— У неё отзывчивое сердце!
Ты цени! —
Ребята говорят.

У нее — отзывчивое сердце?
Неужели?.. Я не нахожу!
Ну, а впрочем...
Надо приглядеться
К девочке, с которой я сижу!

Жемчужина, подвешенная к Индостану

Л. Бонифатьева

Рисунки А. Костиной

Мальчик-бой

Девушка

Укротитель змей

Так назвали древние путешественники остров Цейлон. Мы недолго были на Цейлоне, но успели полюбить его трудолюбивый, талантливый народ. Он завоевал свою независимость и продолжает бороться за лучшие условия жизни. Ему еще многое предстоит сделать.

На центральных улицах Коломбо мы видели знак перехода, изображенный в виде пары босых шагающих ног. Нам объяснили: половина населения острова неграмотна.

Открытие каждой новой школы — большое событие на Цейлоне, настоящий народный праздник. Вот деревня Таланголо. Арка, увитая гирляндами цветов и украшенная флажками, ведет в школьный двор. Нас встречают хозяева — девочки в легких белоснежных платьях и мальчики в таких же белых рубашках и полосатых юбках. Вход в здание преграждает алая шелковая лента. Почетный гость из Коломбо, министр внутренних дел Цейлона, разрезает ленту. Школа открыта.

Но учебных заведений на Цейлоне еще не хватает. Многие ребята не знают, что такое книга. С малых лет они начинают работать.

В деловом центре Коломбо — Форте — к нам подскочил мальчуган лет десяти. Он с важностью поднял руку и показал повязку с названием какого-то магазина. На ломаном английском языке он стал уверять, что магазин его хозяина — один из самых богатых на Цейлоне. Потом он перешел на русский язык и сразу выложил половину своего словарного запаса. Дернув одного из нас за рукав, он деловито сказал: «Русски, русски, пошли!» Напрасно говорили мы ему, что осматриваем город и не собираемся ничего покупать. Маленький зазывала не отставал ни на шаг. Когда мы, проходя мимо магазинов, бросали случайные взгляды на их витрины, он делал прерзительную гримасу: дескать, тут и смотреть не на что!

Неожиданно наш провожатый остановился. Он прищелкивал языком, глаза его закрывались от восторга, сладким голосом он повторял: «Русски, русски, карош товар!» Широким жестом он приглашал нас войти в маленькую лавчонку, что ютилась меж каменными домами. Это и был «самый роскошный магазин на Цейлоне»!

Так, от зари до зари вылавливая в уличной толпе покупателей, и зарабатывают маленькие зазывалы свою чашку риса. Но не всегда трудящиеся Цейлона мирятся с низким жалованьем, которое выплачивают им хозяева. Вот один из обычных деловых дней в Форте. Но нет — день не совсем обычный. Магазины закрыты, а продавцы вместе с зазывалами на улице. Они вышли не для того, чтобы заманивать покупателей. Они несут на палках плакаты. «Требуем повышения заработной платы!» — написано на них.

Два дня провели мы в горах, совершая автобусную поездку. Вдоль всей дороги мелькали белоснежные бензоколонки. Перед ними на столбах — большие гипсовые раковины — символ англо-голландской нефтяной компании. Наш автобус подходит к одной из таких бензоколонок, чтобы заправиться горючим. И вдруг неожиданное препятствие — забастовали рабочие компании, отпуск бензина прекращен! Шофер долго совещается о чем-то с заправщиками. До нас доносится приглушенное: «Русски...» Наконец, переговоры кончены — нам дают бензин, — мы отправляемся дальше.

Много удивительного на Цейлоне. Там нет театров, зато есть цирк слонов. Чудеса ловкости показывают эти неповоротливые на вид животные. Под тихую ритмическую музыку слоны послушно садятся, поднимают передние ноги и непринужденно, в такт ими помахивают. Новый номер: погонщик ложится на землю, а слон наступает на него. Но не бойтесь — погонщик невредим! Вот он засовывает голову в рот слону, откидывает в стороны руки, и слон начинает вращать человека в воздухе...

Трудно описать словами все, что мы увидели на Цейлоне. Но, кроме слов, есть искусство. Внимательно посмотрите рисунки Анны Федоровны Костиной. Они приблизят к вам далекий остров, его людей и природу.

Все мальчики и мужчины
на Цейлоне одеты в такую
национальную одежду—
юбку

ЯПОНСКИЕ
ИГРУШКИ

КАПИТАН КОРАБЛЯ „МЕЧТА“

ЯЩИК С МЫЛОМ

А. Грин

Рисунки А. Скалозубова

11 ноября 1903 года в Севастополе, на Графской пристани, за революционную агитацию среди солдат крепостной артиллерии был арестован двумя здоровенными жандармами неизвестный молодой человек. На допросе он назвал себя Григорьевым, на все другие вопросы следователя отвечать отказался. Его отвезли в тюрьму.

17 декабря в два часа дня во время прогулки Григорьев попытался бежать. Он выбежал во двор, где находились бани, сбросил пальто и кинулся к веревке, переброшенной через стену его друзьями. Конец веревки болтался довольно высоко. Григорьев все же допрыгнул до него, но подняться не смог: прибежавшие надзиратели стащили его вниз. Григорьева посадили в одиночку. Через два года, выйдя из тюрьмы, он узнал, что друзьями было куплено парусное судно, которое увезло бы его в Турцию...

Под фамилией Григорьев скрывался революционер Александр Гриневский, будущий писатель Александр Грин.

Это был высокий, широкоплечий и очень худой человек. Ходил он тяжело ступая, как ходят надорванные работой люди. И постоянно о чем-то думал, мечтал. Он не любил говорить чужим людям ни о себе, ни о своих книгах, да и близким рассказывал без особой охоты. Он считал сказанное потерянным. Не многие знали, что за суровой внешностью его бьется легко радушное и по-детски доверчивое сердце.

Прежде чем стать писателем, Грин был матросом, бродягой, золотоискателем, лесорубом и сплавщиком леса, рабочим железнодорожных мастерских, банщиком, писцом, землекопом, пекарем, рыбаком, плавал на барже судовладельца Булычева, служил в армии.

Тяжелая жизнь не ожесточила Грина, не сделала из него злобного мещанина. Александра Грина спасла верная и нежная спутница всей его жизни — Мечта.

Он написал много книг, книг солнечных, жизнерадостных, дерзких. В книгах Грина много фантастического, тесно переплетающегося с самым обыкновенным, будничным. Это придает им острую занимательность и необыкновенность.

Но сюжет для Грина дело второстепенное. Как бережно и чутко пишет Грин о человеке, о его поступках, мыслях, чувствах! Герои его книг — наивные, бесхитростные мечтатели и фантазеры, бороздящие моря на стремительных кораблях. Они хорошо знают, что такое дружба, любовь, верность и «во время сказанное хорошее слово».

Книги Грина учат мечтать, понимать красоту мира, учат ненавидеть все грубое, пошлое и злое, учат побеждать.

Ниже печатается неизвестный рассказ Александра Грина.

Владимир Сандлер

Ленур, вахтенный, стоявший на баке, исчез неизвестным образом, между четырьмя и шестью часами утра. Отсутствие его при общей тревоге, длилось двое суток. «Фрегат» под парусами шел к мысу Доброй Надежды.

Замечательное появление Ленура после его таинственного исчезновения заслуживает отдельного описания. Матросы обедали, разговаривая и делая предположения, не свалился ли Ленур в воду, как вдруг хорошо всем известная долговзая фигура появилась среди облегающих, высекая на ходу огонь с помощью обшарпанного кремня и старой железной ложки. В этот момент боцман подавился куском хлеба, и четверо из матросов пролили суп на палубу.

Предупреждая испуганные взгляды и тысячу нелепых вопросов, потому что бессмысленно спрашивать там, где все, в конце концов, получит свое должное объяснение, Ленур сказал:

— Слышал я, ребята, от одного милого молодого человека, что в хорошем обществе не принято чему-нибудь удивляться. Если, — говорят, — на вас упадет целый материк, да еще в придачу полсотни хороших островов, вы должны, дескать, лишь неодобрительно хмыкнуть носом, почиститься — и кончен бал.

— Ленур, — при глубоком молчании окружающих сказал боцман, — где мог пропадать ты эти четыре дня?

Ленур тяжело вздохнул. Здесь все заметили, что он сильно похудел

и выглядит таким усталым, как будто прошел с буйволом на плечах сто миль.

— Если б я знал это! — возразил он, пожав плечами. — Уверю вас, до того момента, как мне захотелось курить, — я не помню, что со мной было. Я собрался, что стою на палубе возле вас лишь тогда, когда вытащил трубку. Верьте или нет, как хотите.

Он пристально посмотрел в множество изумленных глаз, окружавших его, и продолжал, машинально ударяя железом о кремень:

— В ту ночь, когда я вышел на вахту — вы помните — был сильный туман. Я простоял с полчаса, пяля глаза изо всей мочи, но в такую погоду, как известно, не только огней не видно, а даже своих собственных рук. Качки не было, но вдруг чувствую, что я как бы стал легче. Такое чувство, ребята, как если бы какой-нибудь сильный человек подложил вам под пятки свои ладони и стал вас легонечко поднимать и опускать. Вообще, я испытывал какие-то странные вещи: туман клубился, разрывался, свертывался, надвигался на меня и вновь отходил в сторону, как будто множество парусов бежало передо мной. Я стал немного обалдевать, пошатываясь. Понимаете — я плохо сознавал уже, где я, собственно, и кто я. И вот тут-то произошла странная история — туман полегоньку, незаметно растаял, небо вывездилось, я мог различать под форштевнем пену воды. Тогда не дальше, как в двух ярдах слева, я увидел бушприт трехмачтовой шхуны; корабль шел прямо на нас, носом в бакборт.

Ленур остановился и посмотрел на слушателей. Было так тихо, что ясно слышался бегущий с кормы шепот лага.

— Я хотел крикнуть, ударить в баковый колокол, но язык мой слушался меня, как черт — ангела. Тем временем наше судно и неизвестный корабль почти прикасались друг к другу; скованный непонятной силой, я цепенел от ужаса. «Почему помощник капитана не видит с мостика этого корабля?» — подумал я. Гла-

за мои были прикованы к освещенной палубе чужой шхуны, на ней, казалось, не было ни души. И в этот момент, ребята, когда я терял сознание, на носу шхуны у самого бушприта появился высокий человек, он нагнулся ко мне и протянул руку. Я тотчас схватил ее, она была холодна, как лед. Более я ничего не помню. То есть, если хотите, я опаматовался, когда увидел, что подхожу к вам с трубкой в зубах.

Ленур был по-настоящему взволнован, рассказывая это; глаза его, казалось, еще хранили след недавнего испуга. Он вытер рукавом блузы пот, выступивший на висках, и поймал угрюмый, пристальный взгляд боцмана.

— Эти вещи бывают! — убежденно заявил корабельный плотник. — Корабль мертвого негра, Ленур, это был он, клянусь, чем хотите!

— Ленур, — сказал боцман, подходя к матросу вплотную, — что бы там ни было, а ты посидишь в карцере, потому что, может, ты бессовестно врешь.

— Я поджидаю тебя вторые сутки, — сказал Ленур юнге, когда тот принес ему в темное помещение карцера обед и кувшин с водой. — Сядь, потолкуем. Прежде всего, что слышно?

— Ничего, — мальчик присел на корточки и уставился на матроса круглыми от любопытства глазами. — Ленур, правда, что тебя уносил мертвый негр?

— Послушай, малыш, — вместо ответа сказал Ленур, — тебе представляется удобный случай показать себя взрослым человеком. Прежде всего исследуем твою наблюдательность. Ты заметил, что капитан не пришел ко мне ни одного раза?

— Да.

— А почему? Как твое мнение?

— Я думаю, — сказал сиплым баском мальчик, польщенный серьезным тоном Ленура, — что он о тебе забыл. У него какие-то дела с боцманом, они проводят вместе почти целые дни и постоянно навеселе.

— Навеселе? Роб, они не навеселе, а настороже. Я им все наврал. Слушай хорошенько, юнец, так как это дело серьезное. На вахте мне захотелось жрать, я полез в кубрик, разыскал кусок сыра, а потом вспомнил, что дронуть в сырую погоду нехорошо. Нужно было достать клеенчатый плащ. Я спустился в подшкиперскую. Спичек у меня не было. Но вижу я, что в подшкиперской нет такой настоящей темноты, а какая-то смутная мгла, вроде как ночью в комнате, когда с улицы фонарь светит. Я обернулся — узкая, как стекло, полоса света падала мне в лицо из небольшой щели меж досками, отделяющими подшкиперскую от гроттрюма.

Кто и зачем мог очутиться там в это время? Перестав дышать, я подполз, Роб, к этому ночному лучу и стал смотреть в щель. Видно мне было очень мало: на одном из ящиков горела свеча; спиной ко мне, держа в руках какой-то инструмент, стоял человек, одетый по-городски. Скоро он повернулся, его лицо, не виданное мной никогда и нигде, было вполне покойно. Он походил немного по маленькому, свободному от груза месту, потягиваясь и разминая члены, как будто спал трое суток, затем встал на колени и принялся рассматривать дерево корабля между тимберсами. Пока, взволнованный, я ломал голову, в трюме послышался глухой шум, и из комнаты вышел еще один. Кто бы ты думал, Роб? Капитан. Он был, по видимому, озабочен и долго прислушивался, прежде чем заговорил с незнакомцем.

— Ну, как вы живете здесь? — спросил он. — Потерпите еще немного.

— Я терплю, — возразил таинственный человек. — Правда, я похудел, но за хорошие деньги мог бы похудеть еще втрое больше.

— Необходимо сделать большую дыру, — сказал капитан. — Вы это устроите, приблизительно, на восьмой день. Впрочем, я вас еще навещу. Как вы это сделаете?

— Очень просто, — говорит тот человек, — доски я пропилю с трех сторон и забью маленький динамитный патрон. Четвертая сторона разлетится от взрыва, когда я буду уже на палубе.

— Хорошо, — сказал капитан, — надеюсь на вашу сообразительность. — Он потоптался еще немного и ушел, а я, Роб, тряся от бешенства, хотя еще не понимал хорошо, для чего все это устраивается. И вот я поднялся в кубрик, вытащил у боцмана из-под подушки ключи, влез на палубу, отпер гроттрюм, положил ключи на старое место, открыл люк и спустился в тьму.

Все это я мог проделать свободно, потому что туман был гуще хороших сливок.

Он не испугался, когда я подошел к его углу, освещенному салыным огарком, а смотрел на меня так, как будто ожидал встретить во мне единомышленника. Но я сразу спросил:

— Что вы здесь делаете?

Тут он стал белым и некоторое время молчал. Потом начал быстро шарить в карманах и ткнул меня в грудь дулом револьвера в тот самый момент, когда я приставил к его лбу дуло своего. Так мы стояли с минуту, затем он сказал:

— Вы можете получить хорошие деньги, стоит вам только молчать об этом.

— Так, — возразил я. — Вы будете топить судно с мошенником капитаном, а я — хлопать глазами.

— Фирма получит большую страховую премию, — говорит он. — И на вашу долю перепадет куш.

— А пассажиры? Команда?

— Что делать? Жизнь — борьба, — тут он так нагло пожал плечами, что мне захотелось плюнуть в его серые рачьи глаза. — Мне нужно много денег, и я добываю их.

Вся эта махинация, Роб, так меня ошеломила, что я некоторое время стоял дураком. А он, видя, что я хлопаю глазами, приободрился.

— Ну что же, говорит, вы конечно, боитесь бога, греха. Прав сильный и хитрый.

— Сеньор мошенник, — отвечаю я ему, — насчет этого помолчим. Всякий мыслит по-своему. Некрасиво то, что вы затеваете, и даже могу сказать, — безобразно!

— Почему же? — спрашивает. А от его дула у меня спирает под ложечкой, да и у него красное кольцо над бровью.

— А потому, — говорю, — что все на свете имеет свое течение. И жизнь человеческая тоже. Хорошо живет человек или плохо, а песню свою ему допеть нужно до конца. Или, например, пассажир, — он стремится к своей цели, и вас не трогает.

— Так, так, — тихо говорит он, нажимая собачку. Чикнуло — попался плохой патрон, бедняк. Впрочем, он не успел и пожалеть об этом, потому что я спустил курок.

После этого, Роб, я возился с час, пока устранил все следы этой неприятной истории. Жил этот неудачник в большом деревянном ящике с отверстиями для воздуха и посмотрел бы ты, как все было хорошо приспособлено — мы погрузили его под видом туалетного мыла. Недолго думая, я распорол большой тюк, выбросил оттуда товар и запаковал мертвеца наглухо.

— Кто-то идет, Ленур, — сказал мальчик, вскакивая и забирая пустую посуду. — Прощай! Но я не хочу тонуть, Ленур, слышишь!

— Тсс! Молчи! — Ленур продолжал скороговоркой: — я не мог выбраться оттуда двое суток, потому что капитан и боцман (гвоздь им в голову!) перерыли весь товар, разыскивая приятеля. Лежал я под хлопковой кипой, а питался конфетами и сухой вермишелью. Молчи пока, я все устрою. Беги!

Когда на горизонте показались очертания берега, Ленур, выпущенный из карцера, стоял у руля, внима-

тельно следя одним глазом за компасом, другим — за непроницаемым лицом капитана, расхаживавшего по мостику. Судно благополучно совершило плавание и готовилось войти в гавань.

— Капитан, — сказал вдруг Ленур, — не кажется ли вам, что из готтрюма немного припахивает трупом?

Пожилой человек с седеющими бровями даже не обернулся. Прикрыв глаза рукой, он смотрел вдаль, потом резко подошел к вахтенному, глаза их встретились. Теперь по особенному, вызывающе напряженному взгляду матроса капитан понял, что Ленур все знает.

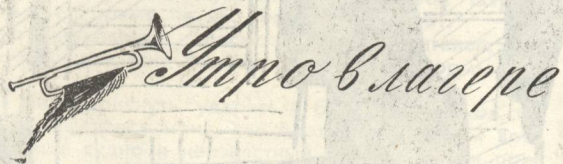
— По прибытии ты получишь расчет, — сказал капитан.

— Расчет? А ящик с мылом в готтрюме?

— Потому-то ты и сидел в карцере. Попробуй — найди хоть какие-нибудь следы там, где ты упражнялся в стрельбе.

— Так! Мы, значит, понимаем друг друга! — с изумлением проговорил Ленур. — Ловко! Но это мне нравится, клянусь погибшим идиотом, — там, в трюме. Это вышло красиво!

Стихи твоих ровесников

Костер разведен костровым.
Побудку, горнист, заиграй!
Над синим простором лесным
Несется протяжно: «Встава-а-а-ай!»
На небе вдали облака,
И след самолетный вдали.

Соскучилась за ночь река:
Скорей бы ребята пришли!
Деревья скучают в лесу,
Деревья лиственной шелестят.
И вот уже ветры несут
Сквозь рощицу крики ребят.
Промчались к реке...

И вода
Поверхностью гладкой горда —
Расплескана в тысячи брызг...
И гомон счастливый, и визг...

Володя Суворов,
Тульская обл.

Тучи грозно сдвинулись темней,
Пряча голубую вышину.
Ветер пыль гоняет по аллее.
Гром бросает вызов в тишину.
Молния блестит зловещим цветом,
Гром хохочет, он свободе рад!
Только капля робко стукнет где-то,
С туч потоки, реки полетят.
Расправляют ветви ели,
Клены,

Жадно пьет засохшая земля.
Желтым океаном и зеленым
Под грозой волнуются поля.
Прогоняя тучи, забавляясь,
Ветер дунул — засинел лоскут.
Гром ворчит и плачет, удаляясь,
Только ручейки с горы текут...

Таня Дворина,
Ленинград

ГЕНЕРАЛ-ПАЛАЧ

В Ленинграде, на второй линии Васильевского острова, в доме № 13 жила девочка Таня Савичева. Ей было девять лет. Осенью 1941 года она заполнила в своем дневнике первую страничку. Она записала: «Страшно. Падают бомбы...»

А генерал Фридрих Ферч смотрел в бинокль на город с Дудергофских высот. Он мечтал о торжественном марше по Невскому проспекту, о банкете в гостинице «Астория». Он дал распоряжение армейской типографии печатать пригласительные билеты на этот банкет.

Волна за волной шли на город бомбардировщики с черными крестами на крыльях.

Пришла зима. Погас в квартирах свет. Не стало воды. На улицах выросли сугробы. Ленинград заочненел от стужи. Только через Ладожское озеро по ледовой дороге жизни поступали в город продукты. Хлебный паек сократился до 125 граммов. В дневнике Тани появились слова: «Мама умерла в 7.30 утра...»

А генерал Фридрих Ферч подгонял своих штабистов — они составляли карты города для артиллерийских батарей. Аккуратно размечали:

Объект № 9 — Эрмитаж.

Объект № 192 — Дворец пионеров.

Огонь!

Тысячи снарядов обрушивались

на дома, школы, больницы. Пылали кварталы. Рушились стены зданий.

Последняя страничка дневника Тани Савичевой: «Савичевы умерли, умерли все».

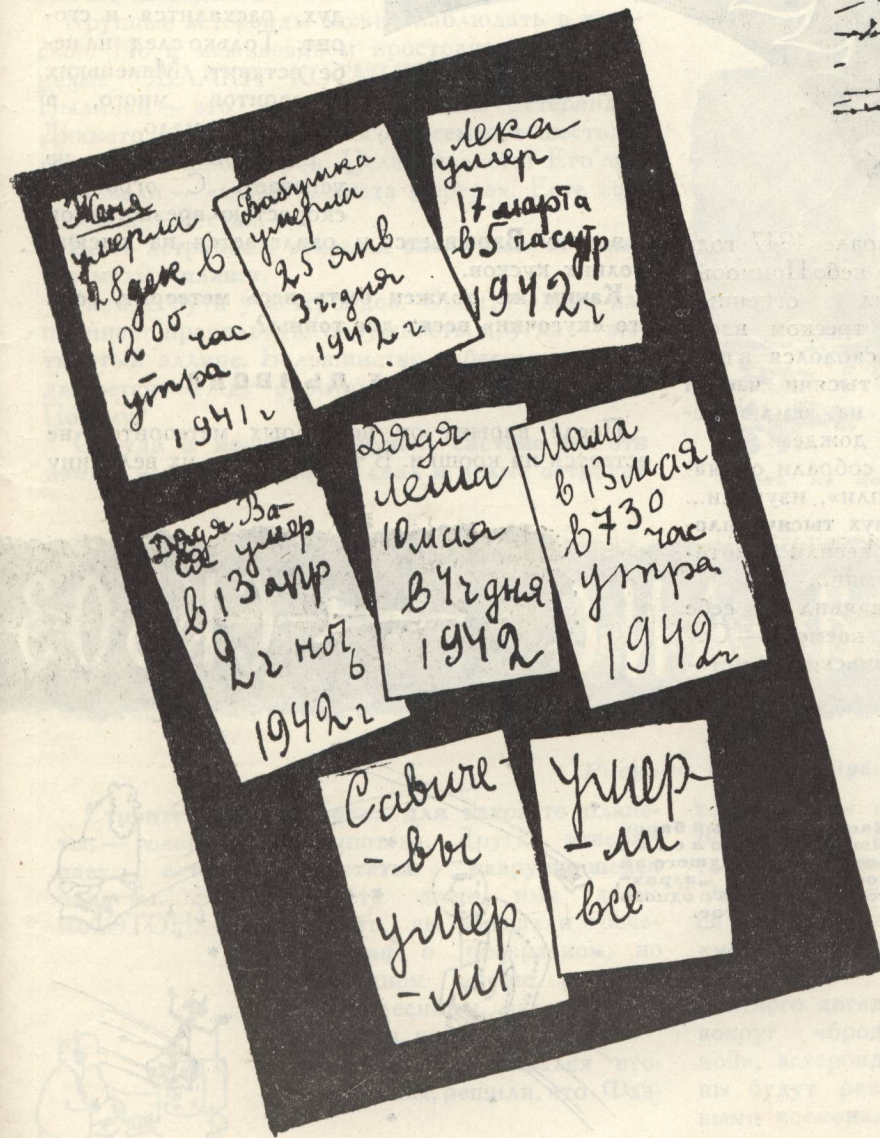
Это сделал фашистский генерал Фридрих Ферч, генерал-палач, генерал-убийца, на руках которого кровь сотен тысяч ленинградцев.

И не только ленинградцев. В Гатчине и Новгороде, во Пскове и Острове помнят злое имя генерала Ферча. Это по его приказам угоняли в Германию мирных жителей, убивали военнопленных, разрушали дома.

В конце войны Ферч был схвачен. Трибунал приговорил его к тюремному заключению. Но урок не пошел на пользу: спустя десять лет, возвратившись в Западную Германию, недобитый генерал взялся за старое.

Он только сменил униформу, убийца Ферч. Канцлер Аденауэр назначил его генеральным инспектором бундесвера. Как встарь, стоит Ферч на маневрах с биноклем в руках, а в небе над ним мчатся бомбардировщики с черными крестами на крыльях, — как при Гитлере.

Но мы не забыли преступлений генерала Ферча. Не забыли их все честные люди мира.

РЕДКИЕ ГОСТИ

Люди собрали на земном шаре около полутора тысяч метеоритов. Много это или мало?

То тут, то там вспыхивают на ночном небе «падающие звезды». Одна за другой. И так — каждую ночь. Почему же удалось найти так мало?

Тысячи, десятки и сотни тысяч небесных камней встречает Земля на своем пути. Залетит в атмосферу камень, нагреется от трения о воздух, раскалится и сгорит. Только след на небе оставит. Маленьких метеоритов много, а больших — мало.

Большой сгореть не успевает. С огромной скоростью врывается он

в землю. Взрывается и разлетается на тысячи мелких кусков.

Каким же должен быть весь метеорит, если его «кусочки» весят две тонны?

УЩЕЛЬЕ ДЬЯВОЛА

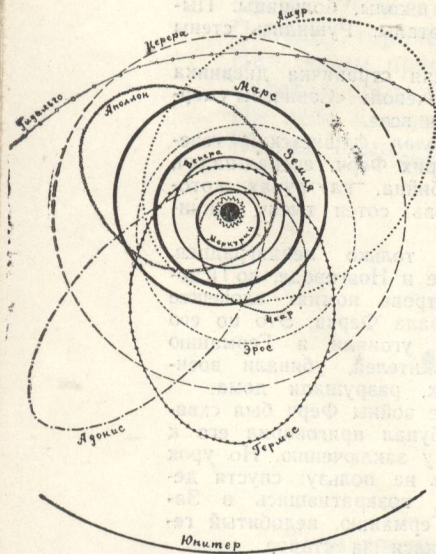
После взрыва от некоторых метеоритов не остается ни крошки. В таком случае их величину

В феврале 1947 года утреннее небо Приморья прочертил огненный шар. С треском взорвался, раскололся в воздухе на тысячи частей и выпал на землю метеорным дождем.

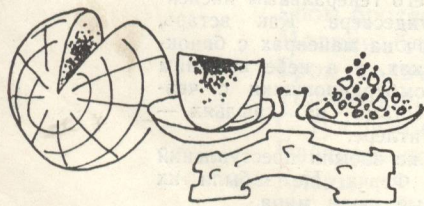
Люди собрали остывшие «капли», изучили... Более двух тысяч килограммов весили некоторые обломки...

Так заявил о себе гость из космоса — Сихотэ-Алиньский метеорит.

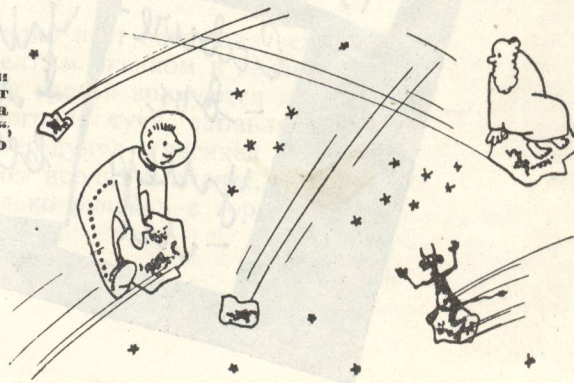
Как легендарный барон Мюнхгаузен, полетят астрономы будущего на космических «ядрах», пересаживаясь с одного на другое.

Орбиты некоторых астероидов

Масса астероидного пояса примерно в десять раз меньше массы Земли...

и вес пытаются определить по следам. На местах падения метеоритов остаются от взрывов воронки. По глубине и диаметру воронок можно приблизительно судить о том, что за гость пожаловал на Землю.

Американские исследователи отыскали кратер с диаметром больше километра. Огромная воронка с голыми каменистыми склонами. Местные жители называют ее Ущельем дьявола.

Сотни тысяч тонн должен весить метеорит, оставивший такой след.

ОСТРОВА ВСЕЛЕННОЙ

Пока метеорит не попал в поле притяжения Земли, он год за годом мчится по своей орбите. У него даже название другое — «астероид», что значит «звездоподобный».

Крупные астероиды можно наблюдать в телескоп. Но в межзвездном пространстве носятся целые ОБЛАКА КОСМИЧЕСКОЙ ПЫЛИ. Пылинки — это самые маленькие астероиды. Диаметр наиболее крупного — семьсот шестьдесят восемь километров. Целая планета! Его так и назвали — «малая планета Церера». Есть еще Паллада, Веста...

Всего астрономы открыли около тысячи семисот малых планет.

Разные пути у астероидов. Орбита одних напоминает правильную окружность, других — вытянутый эллипс. Большинство небесных камней движется между орбитами Марса и Юпитера. Почему?

Откуда в нашей солнечной системе все эти камни, камешки, обломки скал и целые острова?

Гипотеза первая...

Гипотеза вторая

Гость из космоса приближается к Земле.

ПОЯС АСТЕРОИДОВ

тон должен был находиться где-то между Марсом и Юпитером.

Но ведь это только предположения. И если даже Фэтон был, то почему вдруг взорвался?

Астероиды светятся только отраженным светом, как все планеты.

Но если от планет идет ровный свет, то астероиды непрерывно мигают точно посылают сигналы на неизвестном языке. Это объясняется тем, что астероиды не являются шарообразными, они имеют неправильную форму.

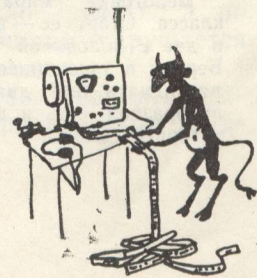
Много догадок строится вокруг «бродяг Вселенной», астероидов. Их тайны будут разгаданы первыми космонавтами.

... будто посылают сигналы на неизвестном языке.

Строительный материал для какой-то планеты, — говорят одна гипотеза. Другая утверждает: астероиды — остатки разрушившейся планеты. Этой планете даже имя дали: ФАЭТОН. Может быть, вы слышали греческий миф о прекрасном, но безрассудном юноше, который упал соколесницы, запряженной крылатыми конями Гелиоса.

Те, кто придерживался второй гипотезы, решили, что Фэ-

Астероиды светятся отраженным светом...

ОТ СТАРТА К ФИНИШУ ЧЕРЕЗ ТРИ СТОЛИЦЫ

Мастер спорта СССР Юрий Мелехов выиграл велогонку мира. Мы попросили его рассказать об этом соревновании нашим читателям. Вот что рассказал Юрий Мелехов.

Велогонка мира — соревнование международного класса. Старт ее — в Варшаве. Маршрут протяжением в две с половиной тысячи километров проходит через Берлин и заканчивается в Праге. Гонки продолжаются пятнадцать дней, два дня дается на отдых. Трасса разнообразная, есть и асфальт, и брусчатка, и булыжник, и горные склоны.

Советские велогонщики участвуют в велогонке мира не первый раз. В прошлые годы часто повторялась одна и та же история: наш спортсмен выигрывал первый этап гонки, надевал желтую майку лидера и... не мог ее удержать, его быстро «раздевали». Почему? Потому что лидер боялся потерять свое лидерство. Стоило кому-нибудь из соперников хоть немного обойти его, как лидер бросался вдогонку. И не выдерживал напряжения.

На этот раз тренер нашей сборной команды Леонид Михайлович Шелешнев подсказал мне правильный план действий. Не надо отчаянных бросков. Ведь по условиям соревнования главное — сумма времени всех этапов. Значит, выиграв первый этап, можно на втором этапе быть и вторым, и третьим, и даже четвертым. К тому же за выигранный этап гонщик получает премию — одну минуту, эта минута сбрасывается с его времени.

И я не стал бесцельно гоняться за соперниками.

Для победы велогонщику нужны не только сильные ноги, тренированное сердце, хорошие легкие. Приходится работать и ногами и головой. На одном этапе впереди меня шла группа гонщиков и среди них — мой соперник. Я выбрал такой момент, когда он был в центре группы, а слева открылось свободное пространство, как бы дыра. В эту дыру я и проскочил. Все это произошло очень, очень быстро, и думать тоже следовало быстро: меня могли оттеснить в середину или дыра могла закрыться.

Три раза я падал, и три раза мне приходилось наверстывать, «доставать» группу. Во время одного такого падения машина разбилась вдребезги, и я ждал, пока подвезли новую. Это был редкий случай: обычно гонщик страдает больше, чем его машина.

Возникали и другие трудности. Но, как вы уже знаете, все окончилось благополучно.

Мы спросили Юрия Мелухова, в чем причина его замечательных успехов.

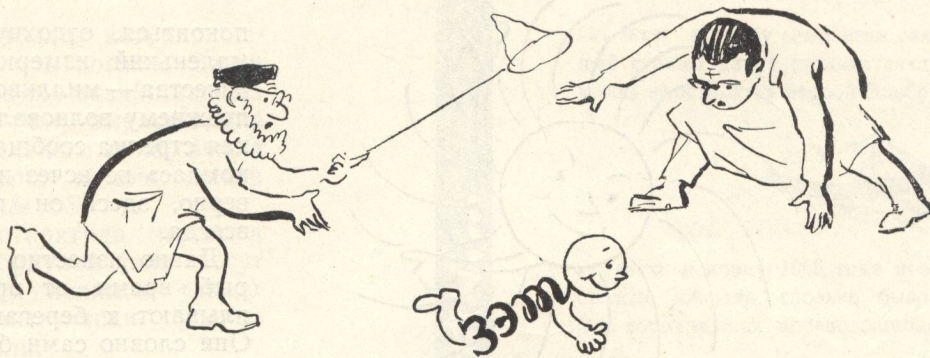
Вот что он ответил.

Велогонщик готовит свою победу терпением и систематичностью. Многие мои товарищи бросили велосипедный спорт, добившись первого разряда. Это плохо, но вполне объяснимо. Перворазрядником можно стать за один год, а чтобы стать мастером, понадобится два — три года упорных тренировок.

Каждый спортсмен, каким бы видом спорта он ни занимался, скажет вам, что в спорте нет мелочей. Я тоже хочу об этом сказать. Шесть лет назад, на первенстве ВЦСПС, я участвовал в гонке на сто километров. Перед гонкой я съел два стакана сметаны, отличной, свежей. До сих пор помню эти два стакана. Я тогда подумал, что от сметаны у меня прибавится сил. А во время гонки мне стало так плохо, что я сошел с дистанции.

Я начал заниматься велосипедным спортом с семнадцати лет, а следовало бы раньше. От души советую вам, ребята, уже теперь переходить от простого катания к спорту.

Юрий Мелухов подарил нашим читателям свою фотографию, а мы поблагодарили его за рассказ.

ТАЙНА ЗЭТ

Э. Новиков, инженер-геолог

Рисунки Л. Московского

В разных частях света научные сотрудники измеряют температуру земной поверхности, с чуткими приборами опускаются на дно морей, посылают в небо разведывательные ракеты.

Представьте себе, что удивительные открытия, связанные с земными электрическими токами, записаны в дневнике. Давайте перелистаем этот дневник.

Страница первая

«ПАЗОРИ» И СТРЕЛКА

Лет двести назад на деревянных лодках — кочах отправлялись на промысел рыбаки Севера. Плыли они среди холодных волн и синих льдов. Среди хмурой северной природы. Только на небе там иногда сверкали разноцветные огни. Их называют полярным сиянием. Любовались архангельские рыбаки сиянием, но не знали, что это оно приносит беды: сбивало с пути, заставляло блуждать по морю.

Вот тогда и родилась поговорка «на пазорях матка дурит». «Пазорями» рыбаки называли северное сияние, а «маткой» — компас.

Только недавно люди сумели научно объяснить эту поговорку.

Вы, наверное, слышали, что наша Земля — большой магнит. Ее окружает магнитное поле. Это оно стремится повернуть стрелку компаса в сто-

рону северного магнитного полюса, все время в одном и том же направлении. Правда, иногда ему мешают незваные пришельцы — космические частицы. Слово тысячи вихрей, врываются такие частицы в магнитное поле, окружающее нашу планету. Тогда начинаются магнитные бури. Во время этих бурь и вспыхивают полярные сияния, а стрелка компаса может показать неправильное направление.

Страница вторая

ПОЧЕМУ ЗАКРЫЛИ ТЕЛЕГРАФ

Это было более ста лет назад. Люди только что изобрели телеграф. И вскоре даже в ясные дни во многих городах Европы пришлось вывешивать объявление: «Телеграф закрыт ввиду плохой погоды...» Причину непонятого явления ученые не знали. Они не могли обнаружить нарушителя связи.

И вот англичанин Барлоу решил во что бы то ни стало отыскать загадочного нарушителя.

Ученый работал в тихую погоду, когда на небе не было ни одной тучки. Он изучал линии и в то время, когда телеграф не посылал по ним своих электрических сигналов. И да-

же тогда Барлоу находил в проводах постороннее электричество.

Ученый стал проводить опыты, чтобы убедиться, что не от грозových разрядов, как принято было считать, а по другим причинам нарушается телеграфная связь.

Барлоу стал соединять провода с металлическими пред-

метами, находящимися на земле. И вдруг обнаружил, что телеграфную связь может нарушать не только атмосферное электричество, но и таинственные ЗЭТ. Особенно любят буйствовать ЗЭТ, когда на

небе вспыхивают полярные сияния.

Выходит, полярные сияния на небе и рождающиеся на Земле электрические токи как-то связаны между собой...

Есть у ЗЭТ и другие тайны.

Страница третья

«РЫБИЙ КОМПАС»

В одном из заливов Белого моря произошел однажды странный случай. Жители морских глубин не могли уплыть в открытое море: кто-то «командовал» ими. Вот рыбы собрались в большие группы. Застыли на месте. Потом поплыли, медленно, быстро, опять медленно. Повернули вправо. Кругом.

Невидимая сила продолжала командовать. Откуда же она появилась?

Ее создали руки ученых. Люди опустили в воду, на небольшом расстоянии друг от друга металлические стержни, потом присоединили их к источникам электричества. Тогда между стержнями, как в батарее, потек электрический ток.

Опыт закончили. Электроток выключили. Рыбы больше не подчинялись своему повелителю. Уплыли от берега. Теперь все приборы должны ус-

покоиться, отдохнуть. Однако маленький измеритель электричества — милливольтметр по-прежнему волновался. Его тонкая стрелка сообщала: «рыбий компас» не исчез из воды. Наверно, здесь он присутствует всегда.

Давно известно, что тысячи рыб время от времени приплывают к берегам Мурмана. Они словно сами бегут в сети. Но почему это получается? Что их манит сюда? Может быть, ЗЭТ?

Более четверти века тому назад московский ученый А. Т. Миронов высказал эту догадку. Тогда она многим показалась невероятной. Ведь исследователь предположил, что земное электричество действует, будто волшебный компас, что именно оно указывает обитателям морей путь к берегу!

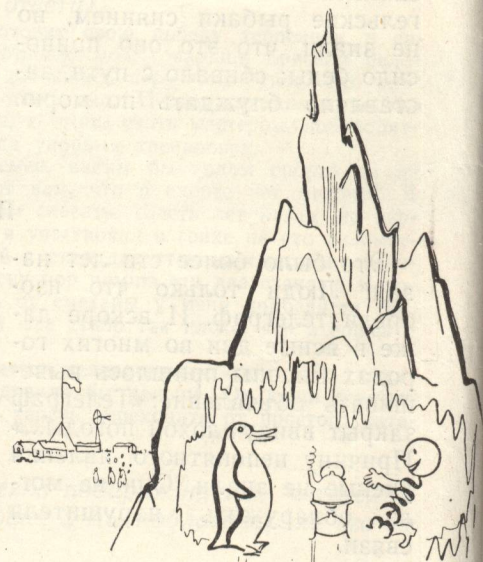
Земные токи и... рыбы! Не правда ли, странно?

Страница сегодняшняя

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Тайны ЗЭТ до конца не раскрыты еще и сегодня.

Поэтому недавно в списке срочных грузов для Антарктиды появилась... земля. Обык-

новенная земля, которая лежит у нас под ногами. Везли ее сюда не в хозяйственных целях, не для выращивания цветов и зеленого лука. Земля должна была помочь найти таинственные ЗЭТ.

Ведь Антарктида покрыта толстой скорлупой льда. Могли ли в таком ледяном «доме» жить земные токи, ученые еще не знали.

Через некоторое время приступили к исследованиям и выяснили: этому электричеству «по душе» и земляная и ледяная квартиры. Оно может жить повсюду. Однако больше всего ему «нравятся» морские побережья: у берегов Антарктиды земные токи в сотни раз сильнее, чем в других местах.

Сильны ЗЭТ и у берегов Белого моря. Может быть, новое открытие на ледяном континенте поможет ученым объяснить действие «рыбьего компаса».

Наш дневник не закончен. Поиски и открытия продолжают.

Но теперь исследователи знают, как и где искать таинственные ЗЭТ. Им известно, что в рождении земных токов виновато прежде всего далекое Солнце. От него к Земле летят космические частицы. Это они вызывают магнитные бури, а значит, колеблют стрелку магнитного компаса, заставляют вспыхивать на небе полярные сияния, вызывают в Земле электрические токи.

Эти токи могут приносить вред: нарушать телеграфную связь, «портить» компас, а могут принести пользу — вспомните «рыбьего командира».

Тайна ЗЭТ будет раскрыта до конца. Ее предстоит открыть ученым будущего, среди которых должны быть и вы, ребята.

... **ЧТО** к концу семилетки сахарные заводы нашей страны дадут столько сахара, сколько надо, чтобы «построить» второй Эльбрус.

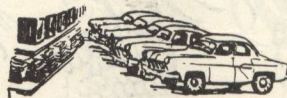
... **ЧТО** к концу 1965 года новоселы получат столько квартир, сколько было в тридцати таких городах, как дореволюционная Москва.

... **ЧТО** из чугуна, добытого в 1965 году, можно было бы отлить столб толщиной в метр и его длина оказалась бы такой, что земная ось, равная этой длине, «проткнула» бы земной шар и вышла бы за полюса на тысячу километров.

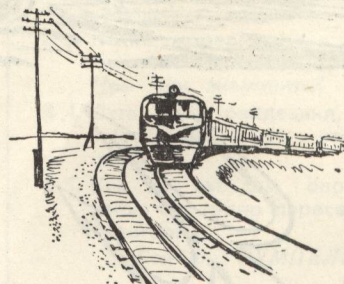
... **ЧТО** в СССР ставят пьесы для детей 105 Театров Юного Зрителя.

... **ЧТО** в минуту с конвейеров наших заводов сходит 5 автомобилей, 25 велосипедов, 41 радиоприемник, 600 000 ученических тетрадей.

... **ЧТО** в конце семилетки Калининская фабрика детской книги станет выпускать 150 миллионов книг для детей.

... **ЧТО** за семилетку будет построено много новых железных дорог. Протяженность всей железнодорожной колеи нашей страны составит длину трех экваторов.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Дорогие читатели! Сегодня наш клуб организует телевизионную передачу с экватора. Прошу включить телевизоры.

Большая Медведица давно опустила свои лапы в океан. Мы — вблизи экватора. Ветер внезапно стих, и яхта остановилась. К нам подходят какие-то странные катера. Впрочем, это не катера, это дельфины! А на

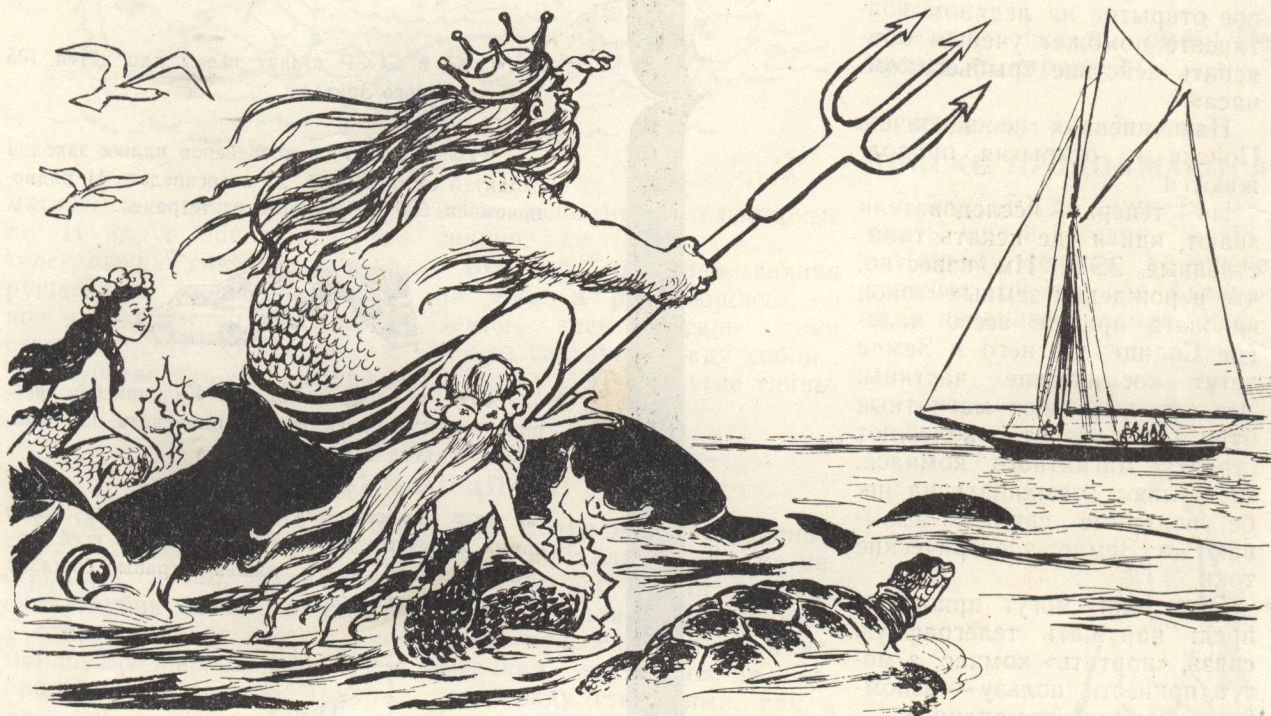

них — кто бы вы думали? — сам Нептун со свитой..

— Построиться по левому борту для встречи властелина морей! — командует наш капитан и направляется к Нептуну с рапортом.

— О'кей, отставить! — машет рукой старик.

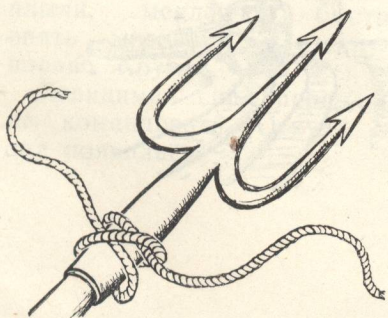
— Теперь так много ships с красным flags, надо русский язык крепче учит.

— Слушай, кэптен, как насчет bad pupils? Пардон, двоечники есть? Все хороший ученик? О'кей! Тогда дальше будешь плыть после экзамен!

Нептун обходит строй и внезапно останавливается против Лёвы Бурчалкина.

— Твой паше? То есть... имя. Пурчалкин? Tell me... тьфу! Скажи мне, какой это узел?

Лева растерялся, молчит, а Вася Пуговкин решил ему подсказать... Заметил Нептун, рассвирепел, так и сыплет, так и сыплет вопросами. Протянул руку, а в нее из воды —

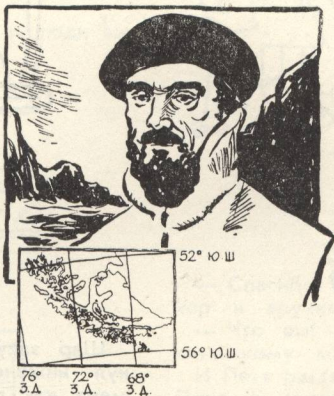
прыг! — не то рыба, не то змея...

Не успели ребята ответить, а у Нептуна, откуда ни возьмись, три портрета.

— Что за мореплаватели, — спрашивает, — чем знамениты?

Ребята отвечают бойко, а старик не дает передохнуть. Приоткрыл свой мешок — от туда ветер как вырвется! На яхте паруса заполоскали, все бросились к шкотам. Вася Пуговкин встал к рулю, и яхта пошла в бейдевинд.

— Молодцы! — кричит вдогонку Нептун. — Вот вам малый wind, то бишь ветер. Плывите до мыс Доброй Надежда. Там угощу вас very good штормяга!

ОТВЕТЫ БОЦМАНА РУМПЕЛЯ

(Вопросы в «Костре» № 7)

1. Ветер — зюйд-вест.
2. Средним проливом можно пройти в два галса, в полный бейдевинд, почти галфинд.
3. На карте указаны глубины, вешками обозначены банка, гряда камней в красном секторе маяка и затонувшее судно.
4. Быстроходное паровое судно идет прямо на яхту. Оно обязано уступить дорогу парусному судну.

ПРИКАЗ № 4 ПО МОРСКОМУ КЛУБУ „КОСТРА“

Всем юнморам ответить на вопросы Нептуна.

- § 1. Как называется узел, завязанный на трезубце, и где он применяется?
- § 2. Рыбу или змею показал Нептун? Каков образ ее жизни?
- § 3. Какие мореплаватели изображены на портретах? Чем они знамениты?
- § 4. Яхта идет бейдевинд, заполоскали паруса — что делать?
- § 5. Как по звездам определить, что судно пересекает экватор?

Боцман РУМПЕЛЬ

ПОДАРОК КИТАЙСКОГО МАЛЬЧИКА

В желтом китайском море плыл советский корабль. Он возвращался на Родину. В каюте капитана висел замечательный голубой шар с драконом на боку. Этот шар подарил советскому капитану китайский мальчик. Сын капитана Петя очень обрадовался шару.

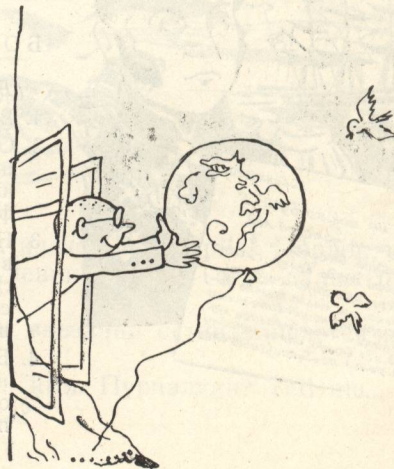
Как-то раз Петя делал уроки и слушал, как в нижнем этаже плакал мальчик. Вдруг Петя вспомнил про шар. Что было дальше, нарисовал художник.

Шар пролетел мимо Пети и зацепился конфетой за подоконник. А у окна сидела девочка. Она взяла конфету, а взамен прицепила большой кусок булки с изюмом.

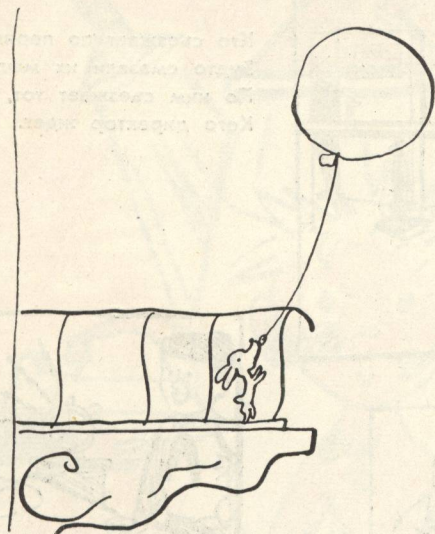

«Вот так, чудо — сказал папа плаксивого мальчика, — да тут яблоко и записка. Это тебе!» Плаксивый мальчик схватил яблоко и перестал плакать. А его папа решил поблагодарить Петю.

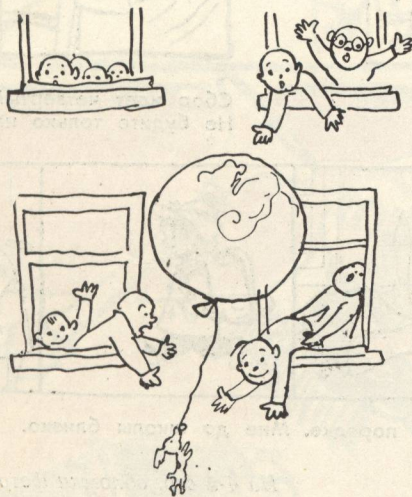
Шар запутался в занавеске. Из комнаты выглянул инженер. «Вот хорошо, — сказал инженер, — у меня как раз кончился хлебный мякиш, нечем стирать ошибки на чертеже». Взамен булки инженер решил привязать к шару бублик: бубликами нельзя стирать ошибки.

На седьмом этаже жил очень, очень маленький щенок Бобик. Хозяева ушли и забыли покормить его. Бобик увидел бублик. Что было дальше, нарисовал художник.

Бобик на шаре опускался мимо окон, и люди вы- бегали на улицу — спасать Бобика.

— Это наш шар, — сказала мама, — а это мой сын Петя. Я его накажу. Извините, товарищи.

— Никакого шума, — удивился папа плаксивого маль- чика. — Ваш Петя прислал моему сыну яблоко, и мой сын перестал плакать. А я послал Пете конфету.

— Конфету я съела, — вздохнула девочка. — Но за- то послала булку.

— Это я виноват, — вступился инженер. — Булка бы- ла с изюмом. Изюм я, признаюсь, съел, а мякиш пригодился для работы. А в обмен я послал бублик. И бублик достался щенку.

Все посмотрели на Бобика. Но бублика уже не бы- ло. Бобик облизывался.

— Спасибо тебе, Петя, от нас всех, — сказал инже- нер и вручил Пете шар.

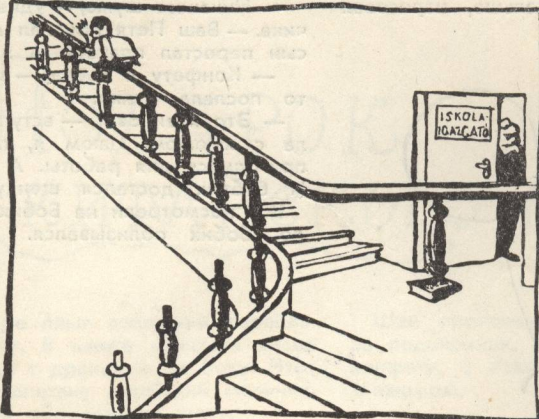
— Что вы! — смутился Петя. — Не мне спасибо, а китайскому мальчику — это его шар.

И Петя рассказал про шар. И все стали благодарить Петю и китайского мальчика.

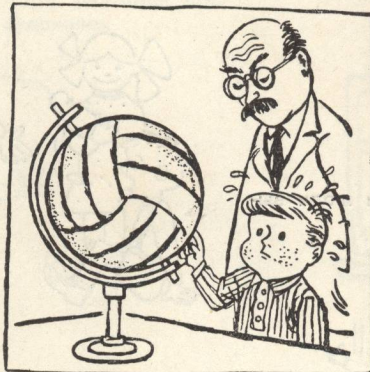
Я. Длуголенский
Рисунки В. Голявкина

А ТАВОРТИЗ КИМОТА

из журнала венгерских пионеров „Тавортиюз“ („Костёр“)

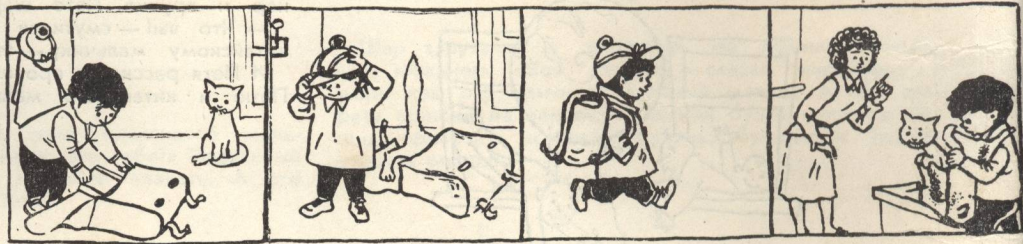
Кто съезжает по перилам,
Будто смазали их мылом?
По ним съезжает тот,
Кого директор ждет.

Я забил не все голы
Мне каникулы малы!

Сбор идет четвертый час.
Не будьте только нас!

Проспал бы братишка урок,
Да кактус братишке помог

Уложил тетрадки. Все теперь в порядке. Мне до школы близко. Ты откуда, киска?

На 4-й стр. обложки фото А. Ритова «Геологи»

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), В. В. Торомыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза.

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. Г. Любичная

Технический редактор
А. А. Двораковская
Рукописи не возвращаются

М-37417. Тираж 240 000 экз. Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76. Подписано к печати 12/VIII 1961 г. Формат 84x108¹/₁₆. Печ. л. 8+2 вкл. 6,98 усл. печ. л. Заказ № 2646. 8,8 уч. изд. л. Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29. Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

По письмам
наших читателей

ЧИСТЫЙ ВИТЯ

Ну-ка, Вите
Помогите!
Ототрите!
Отскоблите!

Не узнает
Витю класс.
Скажет:
„Новенький у нас!“

